

Юрий Михайлов

Плачущие человечки

Лауреаты премии «Народный писатель»

Юрий Михайлов

Плачущие человечки (сборник)

«Автор»

2017

Михайлов Ю. Х.

Плачущие человечки (сборник) / Ю. Х. Михайлов — «Автор»,
2017

ISBN 978-5-906826-13-8

Юрий Михайлов – писатель, журналист, автор художественных и документальных книг, в 2015 году стал лауреатом литературной премии «Народный писатель». Новая книга «Плачущие человечки» – о детях и взрослых. Её герои живут как в советской стране, так и в новой России. Среди них вождь всех времён и народов, легендарные полярники, командующий войсками, редактор издательства, подростки послевоенной поры. Жизнь некоторых складывается сложно: коммуналки, неустроенность, бедность, тяжёлый труд ради выживания... И тем не менее они по-настоящему любят, умеют дружить и жертвовать собой. Книга издана Оргкомитетом премии в соответствии с программой книгоиздания для лауреатов.

ISBN 978-5-906826-13-8

© Михайлов Ю. Х., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Внук генерала	6
1. Плачущие человечки	6
2. Поговорили...	8
3. Последний дом бабы Люды	11
4. Сестрёнка Злата	14
5. Сталкер	17
Поздние соловьи	19
Отец	20
Мама	22
Семь буханок чёрного	24
Полюсы недоступности	27
Миллионщики	37
Перчатки	43
Плакальщица	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Христофорович Михайлов

Плачущие человечки

© Михайлов Ю. Х., 2016

Внук генерала

1. Плачущие человечки

Юбилей генерала заканчивался по-семейному, на даче. Военачальник почти не изменился за десять лет с нашей последней встречи. Только уголки губ опустились настолько, что лицо походило на грустную маску. За весь вечер он, действительно, ни разу не улыбнулся. Мы вышли подышать во двор, осмотрели ульи, старый, расписанный каким-то умельцем колодец, деревянные строения, возле которых под навесом стояла чёрная «Волга». Обратил внимание: бока и багажник разрисованы человечками с большими головами, маленькими туловищами и раскинутыми в стороны руками и ногами. Приглядевшись к лицам, понял, что человечки плачут... Стало жутковато от таких картинок, а генерал лишь сказал:

– Внук нарисовал... Никому не даёт стереть их.

* * *

Владимир любил, когда его называли полным именем. Но папа почему-то звал его Володей, Вовой. Мама, когда сердилась, – «Владимир!» Бабушка от мамы звала Малышом. Бабушка от папы (пенсионерка) – «Мой цветик», «Моя радость», «Мой ветерок». Дед от папы, генерал, – «Герой ты мой, белая головушка». А в садике, куда он пошёл с пяти лет, мальчишки стали звать его Вовкой, Вовчиком, Изюмом... Почему Изюмом? Каждое утро мама клала в карман его куртки пакетик изюма. И когда группа выходила на прогулку, то к карману выстраивалась очередь. Все ждали минутку, чтобы получить пять-шесть вкусных сладких ягод. После этого и прозвали – Изюм.

Володя любил всех родных. Но уже понимал, к кому и с какими вопросами и проблемами нужно обращаться. Мужские отношения замыкались на папе и дедушке. Вот случай: мальчик по имени Ризван пришёл на площадку из другой группы детсада, вырвал из рук Вовки пакетик и стал торопливо засовывать изюм в рот. Все растерялись, пока сообразили – в пакете ничего не осталось. Мишка, друг, сказал, что «пацану с гор надо морду начистить». Вовка, правда, спросил:

– А почему он пацан с гор?

– Ты что, дурак? Не знаешь, кто там живёт? У меня папка воевал в горах... Его чуть не убили.

Тогда Вова подошёл к Ризвану и сказал, что тот – плохой мальчик (как учила мама, практикующий психолог). А Ризван развернулся и дал ему в ухо, да так, что тот свалился в песочницу. Ухо распухло, сильно болело. Папа пожалел, поцеловал в макушку, сказал:

– До свадьбы заживёт...

«Это нечестно! Надо что-то делать?» – подумал Вовка и перед сном позвонил дедушке-генералу. Не хныкал, не плакал (дед терпеть не может слёз), спросил:

– Мне дали в ухо... Больно! Что делать?

– Завтра я куплю тебе боксёрские перчатки и грушу... Прибейте с отцом на веранде крюк. Приеду, привяжем на растяжках грушу и будем тренироваться. Ты понял, герой с дырой?

– Понял. А что такое груша? А как...

– Всё, я закончил! До завтра. Я тебя научу, как надо защищаться. Дай трубку папе!

Дедушка долго говорил с папой, тот пытался что-то о «па-ци-физ-ме» сказать, но, видимо, получил такой нагоняй, что умолк. И только уже перед сном сказал маме:

– Вырастили хлюпика, не может постоять за себя... А я получаю от деда втык!

Тренировки закалили Вовку: он уже никого не боялся ни в саду, ни на улице. Стал вёртким, быстрым и первым никогда не нападал. Но уж если его пытались обидеть, то на земле всегда оказывался обидчик. Зла ни на кого не держал, готов был помириться в любую минуту с бывшим противником. И с Ризваном помирился: у него папа – доктор, учился в столице в аспирантуре.

В играх и фантазиях всё забывается быстро. А дедушку Вовка полюбил ещё сильнее: после тренировок стал звать его за город, где семья снимала флигель, чуть ли не каждый день. Он считал деда спасителем и защитником. Папа ревновал, наверное. И зря. Когда он сказал, что на две недели улетает в командировку, Вовка так расстроился, что почти перестал есть в детсаде. Воспитатель успела пожаловаться маме: два дня – без супа ребёнок, каши – в помойку, один компот и изюм у него в рационе.

Наконец папа посадил его в кухне за стол, сел напротив и сказал:

– Володь, давай договоримся: ты будешь считать дни, запоминать, чем занимался, а утром рисовать на моей машине человечков. Если день прошёл весело, человечек будет улыбаться, как на смайлике. Если грустно – губки опусти ему книзу. Тебе надо нарисовать четырнадцать человечков, всего-то... И я вернусь. Рисуй где хочешь: на дверцах машины, на багажнике. Только иди вот так: слева – направо. Потом мы посмотрим с первого до последнего рисунка, узнаем, как ты провёл время. Не успеешь оглянуться, как встретимся. А машину оставляю на тебя. Вот тебе мелок и ключи. Будь теперь хозяином... Придёшь из садика, откроешь салон, посидишь за рулём и вспомнишь меня. А я – вспомню тебя. И мы оба почувствуем это. Хорошо, сын? Договорились?

Сложные чувства испытывал мальчик. С одной стороны, ему всё равно было грустно, даже очень, до слёз. С другой – он оставался вместо отца, на нём – двор и машина... И он откроет дверцу, сядет за руль, будет чувствовать в салоне папу. И поедет к нему. Чтобы забрать его и привезти скорее домой. Он должен выдержать. Да, это долго, но не совсем же.

* * *

Во Вьетнаме раньше обычного начался сезон дождей.

О гибели русской пилотажной группы сообщили все информационные агентства.

Владимир, Володя, Вовка – Изюм больше никогда не увидит отца.

На даче под навесом стоит чёрная «Волга», вся разрисованная плачущими человечками.

2. Поговорили...

Площадка для игр и детсадик располагались на высоком берегу речки. Неказистая, мелкая, вряд ли кто мог представить, что она судоходна при впадении в Волгу. Дорога тянулась по обрыву в виде вогнутой дуги, поэтому свежеевыкрашенные зелёные ворота и калитка детсада видны за полкилометра. На конце дуги, рядом с вишнёвым садом, каждый вечер стоял немолодой, крепкого вида седой мужчина, читал газету. Часто поглядывал на ворота, откуда то и дело выходили мальчики и девочки, держа за руку родителей. Вот появилась молодая женщина в накинутом на плечи плаще, увидела, как мужчина на повороте дороги взмахнул газетой, что-то сказала мальчику, стоящему рядом, и тот пошёл домой. Единственный детсадовец приходил-уходил без взрослых.

– Привет, дедушка!

– Привет, Володя. Как дошёл? Без приключений? А я вот вышел газету купить. Впрочем, как всегда, на станции всё уже разобрали. Идём вместе до дома?

– Вместе, конечно, вместе! Только через «мо»... – Так Вовка называл кафе-мороженое. – И футбол!

– А как горло себя чувствует? Давай зайдём домой, переобуемся, а то ботинки дорогие, жалко.

– Но дома же никого нет... Мама приедет в пятницу, бабушка – тоже в городе, вернётся поздно.

– А кто нам нужен, чтобы переобуться, выпить молоко и гулять до бабушкиной электрички?

Переодевшись, шли во двор санатория для чернобыльцев, про которых дед рассказывал внуку много историй, поскольку командовал в то время войсками на Украине. У футбольных ворот снимали куртки, играли в «десятку»: по очереди вставали в ворота и ловили мячи, пробитые с любой дистанции. Володька – намного шустрее оказывался, так выматывал деда, что тот через полчаса просил пощады. Тогда просто забивали пенальти, без финтов и подкатов.

Потом в кафе ели мороженое, любимое, миндальное, пили чай из огромного самовара. Волосы после футбола высыхали, на улице становилось совсем темно, и они, крепко взявшись за руки, шли к электричке. Бабушку всегда разыгрывали: Володька прятался за киоск, бабушка охала, что любимый внучек не смог её встретить, и они с дедом грустные-прегрустные направлялись к подземному переходу. И в это время из-за киоска с криком выскакивал Володя. Бабушка почти падала от прыжка внука, но всё же успевала прижать его к груди, целовала щеки, приговаривала:

– Светик ты мой! Солнышко моё. Как я соскучилась по тебе...

– Так не езди больше в город! – парировал внук. – Оставайся с нами, будем в футбол играть. – Про мороженое он никогда не проговаривался: слово, данное деду, держал крепко.

– У врачей я была, чтоб болячкам моим было пусто!

– А ты в садик приходи, там Валентина Ванна сразу вылечит тебя уколами...

Ужинали втроём, а перед сном иногда звонила мама. Каждый раз она говорила:

– Вызовите мастера, поставьте «Скайп». Ладно, приеду, сама всё сделаю, беспомощные...

Дедушка в кресле читал до тех пор, пока Володя не засыпал. Набегавшись за день, он отключался быстро, спал крепко. Дед поправлял одеяло, гладил его по голове, тихо говорил:

– Сынок, дорогой ты мой. Будем жить дальше, сынок...

* * *

Они шли вдвоём по дороге из садика. На девочке, смуглолицей, с алыми губами и зелёными глазами, надета ярко-жёлтая курточка, почти закрывающая шотландскую клетчатую юбку, на ногах – оранжевые шнурованные сапожки. Мальчик одет неброско, но практично, под осеннюю погоду и возможный дождь. За ними, в двух шагах, шёл охранник, потом – полз чёрный громадный джип с водителем и женщиной средних лет, видимо гувернанткой. Девочка говорила без умолку:

– А ты знаешь, что мы – соседи? Напротив вашего домика стоит наша вилла. Я приехала из Испании, прожили там год. Маме климат не понравился. А я умирала от скуки. Я сама попросилась ходить в садик. Умора с вами... Вы все такие маленькие. А мне уже семь, но мама сказала, что в школу ещё рано идти. А тебе сколько лет?

– Тоже скоро семь будет...

– Ты придёшь ко мне на ланч?

– Не знаю... – Мальчик даже остановился от неожиданного вопроса. – Мне поговорить надо с дедушкой.

– Но ты же как взрослый... Вот домой ходишь один.

– Нет, это не так. Я знаю, что дед всё равно встретит меня на повороте. Он говорит, что ему нужна прогулка. Выходит на улицу. И встречает меня почти у дома...

– Видишь, видишь, а я что говорю! Вон за мной трое идут и машина. Устала я с ними ругаться!

– Давай я буду заходить за тобой. Дед нас проводит до угла. Дальше мы сами. И домой так же будем ходить...

– Отлично! Просто класс! – Девочка запрыгала на одной ноге, потом схватила мальчика за плечи, прижала и поцеловала в щёку. – Ты помнишь, как меня зовут? Помнишь?!

– Конечно, Анджела...

– Не Анджела, а Анжела. Все путают! Я же не путаю, зову тебя Володя...

– И я больше не буду путать. Познакомься, это мой дедушка. Его зовут Савва Владимирович...

Девочка представилась по всем правилам этикета, с реверансом. Из машины за ней наблюдала гувернантка. Оставшийся отрезок дороги прошли все вместе, говорила, по-прежнему, Анжела. Дедушка и внук узнали, что их сосед напротив – миллиардер, торгует мебелью и землёй, что здесь у них – вилла в ближнем Подмосковье. А ещё большущий дом в Сочи и виллы в Юрмале и Испании. И что она мало видит отца и очень скучает по нему.

– А твои родители кто? – неожиданно спросила она Володю.

– Мама психолог... А папа... – Внук посмотрел на деда, вздохнул прерывисто. – А папы у меня нет.

– Мама моя говорила, что он разбился на самолёте и что ты сирота.

– Да, он погиб... Но у меня есть дедушка! Он – военный. И он мне вместо папы... И я буду военным! А ты – дура! Да-а-а! – Вовка почти плакал, огромные слезинки стояли в глазах.

Дедушка положил руку на голову мальчика. Видно было, как им плохо, как глубоко и тяжело они дышат.

– Извините... Нам надо идти, – сказал пенсионер. – Приятно было познакомиться.

– Подумаешь, воображала! Сам дурак! – почти кричала девочка вслед уходящим мальчику и старику. – Военным будет... Ну и вой! Не буду с ним дружить. И в садик этот чёртов ходить больше не буду! И не трогай меня, лягушка очкастая...

Калитка на участке напротив виллы захлопнулась, конец ругани мужчины не слышали, зашли в дом. Вовка украдкой плакал. Дед гладил его по голове, говорил:

– Ничего... Всё проходит. И мы привыкнем... Будем жить дальше, сынок.

3. Последний дом бабы Люды

Из-за бабы Люды Володя стал поэтом. Он учился в первом классе, когда на дачу съехалось много гостей. Осенний дворик с опавшими листьями тополя и клёна не вместил все машины, пришлось парковаться перед калиткой. Юбилей: все целовали бабушку, дарили цветы, пакеты с подарками. А командующий каким-то округом – друг дедушки с военного училища – подарил бабе Люде дачный участок и «карту на предъявителя». Только, что это за карта, Володя не понял.

На стул он, конечно, не вставал, но свои стихи, которые не показал даже деду, читал в столовой, самой большой комнате дачи. Там было такое четверостишие:

С днём рожденья поздравляем!
И здоровья желаем!
Праздничного ждём мы блюда,
Испечёт нам баба Люда!

С той поры Вовка частенько вспоминал рифму: «Люда – блюда». Дед сердился, а бабушке нравилось, она говорила, что не хотела бы видеть ребёнка солдафоном, пусть развивает творческую жилку. Дед вспылил:

- Какое творчество нашла?! Убогая рифма, похожая на дразнилку.
- Все с чего-то начинали... Помнишь раннего Симонова?

И бабуля начинала читать стихи по памяти: это могло продолжаться и час, и даже больше. Тогда дед, большой, почти двухметровый, подходил к хрупкой, достающей ему всего до подмышек жене и целовал её в губы. Володька начинал считать вслух:

- Раз, два, три, четыре, пять... Я иду искать! Кто не спрятался...

– Ох, голова закружилась, – говорила бабушка и садилась в кресло. Дед домывал посуду или подметал пол, короче, завершал работу, которую не доделала хозяйка.

К зиме у бабы Люды всё чаще повторялось головокружение. Она заметно похудела, мало ела, на опухшие ноги перестала налезать обувь. Обследование проходило в военном госпитале. Володя многого не знал, но, по настроению деда, понимал, что с бабушкой происходит что-то нехорошее. Потом бабушке стало намного лучше: они в весенние каникулы даже планировали съездить на реку, посмотреть подаренный участок под дачку.

К этому времени мама Владимира совсем отошла от семьи. Она подготовила документы для работы в Чехии, несколько раз пыталась поговорить с сыном. Но дед обрывал её:

- Оформи отношения, зарегистрируйтесь, потом будешь говорить с ребёнком!

– Это, в конце-то концов, мой сын! – нервничала мама, стараясь не шуметь: Володя спал рядом со столовой, где по-прежнему собиралась семья. – Что ещё надо: я скоро рожу от Яна ребёнка...

- Он развёлся с женой? – жёстко спросил дед.

- Это дело времени, от полугода до...

– Вот когда поженитесь, будем обсуждать эту проблему... – последнее, что услышал мальчик: дед выключил в столовой свет.

* * *

Лето запаздывало, неделю-вторую набухали почки, но листочки не проклёвывались. Тополь второй раз сбрасывал жёлтые окантовки от почек, пачкал машины, мазал вывешенное чистое бельё, и Володина соседка по даче даже материлась на деревья. Дед готовил обед, маль-

чик один играл во дворе, расставлял под деревьями старые игрушки, а потом сбивал их теннисным мячом. Бабушки Люды дома не было. Она третий раз лежала, но уже не в госпитале, а в хосписе.

Дедушка всё чаще рассказывал внуку о жизни с бабулей: он увлекался, не стеснялся говорить, как он любит свою единственную и неповторимую Людочку. Вовка замечал, что иногда деду не хватало воздуха, он прерывал рассказ и отворачивался к окну. «Военные не плачут, – знал внук генерала и сын офицера-лётчика, – но иногда... Почему так грустно без бабы Люды? Да и мама опять уехала в Прагу, успела сказать, что обязательно заберёт меня к себе. Там будет настоящая семья. Как будто с дедушкой Саввой и бабушкой Людой у нас не настоящая семья. Ещё какая настоящая!»

– Подойди ко мне, Володя, – сказал неестественно суровым голосом дед, стоя на небольшой лестнице веранды. Мундир с золотыми погонами отутюжен, ботинки начищены, фуражку держит в руках. Мальчик всё успел подметить, пока шёл к деду. И на нём – походные ботинки, куртка-ветровка, красивая бейсболка на голове. – Присядем на минутку, сынок... – Дед расположился на обшитом зелёным вельветом диванчике, Володя – присел на ступеньки лестницы. – Значит, так, мой мальчик... Мы едем к бабушке Люде. Хотел тебе сказать... баба Люда... скоро умрёт.

– Нет... Нет! Не хочу... Ты врун! Так нельзя... Ой-ой-ой-ой... Баба Люда... Нет, нет... – Вовка плакал, навзрыд, размазывая по лицу слёзы и сопли. Дед вынул из кармана кителя большой клетчатый платок, отдал его внуку. Мальчик закрыл лицо руками, плечи его вздрагивали.

– Надо успокоиться, сынок... Бабе Люде в миллион раз хуже. Тем более она всё знает. Но не говорит о смерти... И я не говорю, что она скоро умрёт. И тебя прошу: будь мужчиной, как твой папа. Не говори бабушке, что ты знаешь всё. И ей, и тебе будет легче. Поверь, я это знаю точно. Я воевал... И потерял сына, твоего отца.

Они ехали электричкой, потом автобусом, снова электричкой, но недолго, и почти два километра шли лесной дорогой. Хоспис размещался в старинной усадьбе, с домом помещика, толстостенными конюшнями, правда, на пригорке желтел кирпичом и новый пятиэтажный корпус с подсобными пристройками, вплоть до летнего кинотеатра. Володька боялся встречи с бабой Людой: от слёз распухло лицо, нос покраснел. Всю дорогу он думал о смерти, так и не поняв, почему люди должны умирать... И почему, например, разбился папа? И что, дедушка тоже умрёт? И сам он когда-нибудь умрёт? Это так горько и несправедливо, понимал своим маленьким сердечком Володя, но что делать, чтобы спасти всех, не знал. Ему лишь становилось всё страшнее от скорого свидания с любимой бабушкой.

... Она шла по зелёной аллее, совсем маленькая, словно подросток. На голове платок завязан по-старушечьи, куртка тёплая, будто на дворе холодная осень, виден синий халат из-под куртки, на ногах – толстые вязаные носки и прорезиненная обувь «прощай, молодость». Вовка хотел бежать к бабушке и не мог двинуться с места. Дедушка взял его руку и повёл навстречу своей Людочке.

– Солнышко моё, сынок мой единственный, оставшийся... – Баба Люда старалась ослабевшими руками как можно крепче прижать мальчика к груди. – Саввушка, спасибо, любимый, что привёз Светика... Больше мне ничего не надо от этой жизни. Увидеть вас и запомнить навсегда... – Она всхлипнула, но от слёз удержалась. – И вы запомните меня весёлой... Не надо грустить, сынок. Все приходят и уходят... Таков закон жизни. Так задумал Господь Бог... Мы ещё, очень надеюсь, встретимся все вместе. А сейчас идёте пировать! Я чай приготовила, и торт есть! У нас, Савва, больше часа до следующего укола. Не дожидайтесь его, следите по времени, и уходите пораньше.

* * *

Когда вернулись на дачу, Володя сразу пошёл к стоящей под навесом папиной «Волге». Человечки выцвели, трудно разглядеть их лица: плачут они или смеются. Мальчик позвал деда и сказал:

– Дедушка, давай сфотографируем человечков... На память. А потом сотрём их. Надо к бабушке ездить каждый день... Пока она живая.

Дед молчал. Он понимал внука и полностью поддерживал. Бабе Люде они нужны сейчас каждый день.

4. Сестрёнка Злата

На последние недели перед смертью дед забрал бабу Люду из хосписа домой. Время отмерялось по приездам скорой помощи и шестичасовым отрезкам – от укола до укола. Володя переживал, видя, как мучается бабушка, если врач или сестра опаздывали даже на полчаса. Она не находила себе места, звала в комнату внука и, не глядя на него, блуждала глазами по стенам и потолку. Каждое ожидание укола – это искусанные в кровь губы... Наконец укол сделан, бабушка спит, сон длился около двух-трёх часов. Потом она становилась вменяемой, как правило, просила пить.

Дед не отходил от своей Людочки. Похудел, волосы на голове истончились, стали совсем белыми, руки тряслись. Невестка изредка звонила из Праги, рассказывала о предстоящих родах, о том, что она ждёт девочку. О свекрови – вскользь, потом, как правило, просила позвать к телефону Володю. Спрашивала бодрым голосом:

– Ну, как учимся, сын мой?

– Хорошо, – однозначно отвечал Владимир, переводил разговор:

– А бабе Люде плохо...

– Знаю, знаю... – сразу становилась нервной мама. – Кто ещё с вами бывает?

– Никого, – говорил Владимир, не понимая, о чём спрашивает мама, если папы давно нет, а из других родственников приезжает раз-два в неделю только тётя Ира, бабушкина младшая сестра. – Мы с дедушкой вдвоём...

– Господи, за что мне такая мука?... Почему я не забрала тебя с собой? Чего ты только не согласишься.

Дедушка отбирал у Володи телефон, говорил:

– Рожай спокойно. О нас не волнуйся. Мы справимся с болезнью Людмилы Сергеевны. До связи! – Потом спрашивал у Вовки: – Мы с тобой что-то ели?

– Да, глазунью с солёными огурцами... И сырники из кулинарии.

– А суп у нас был?

– В холодильнике... Тётя Ира сварила.

– Давай, пока бабушка спит, поедим горяченького?

– Щас, погрею только, – отвечал Володька и ставил на плиту суп, делал салат со сметаной из помидоров и огурцов, резал толстыми кусками чёрный хлеб. Дед наливал стопку водки, выпивал, кряхтел, брал кусок чёрного хлеба и долго его жевал, не притрагиваясь к горячему супу. Думал, молчал.

– Савва Владимирович, суп простыл, – говорил голосом бабы Люды Володька. Дед возвращался к жизни, улыбался какой-то детской улыбкой, быстро съедал первое и салат. И опять молчал, но, наливая в бокалы чай, вдруг сказал:

– Я договорился с черныбыльским санаторием, нам выделили медсестру-сиделку... С ней будет полегче за бабушкой смотреть. И придёт она с минуты на минуту. Давай-ка приберём немного в комнатах?

* * *

Урну с прахом бабы Люды дед разместил в местном колумбарии: как всякий военный, он столько ездил по стране, что нигде не оставил родового гнезда. Умирала она в беспамятстве, никого не узнавала. Володя стоял рядом с дедом у кровати, в голове почему-то крутилась одна дурацкая рифма: «Люда – блюда»... Ещё запомнился священник из кладбищенской церкви, который накануне простудился, сипел, кашлял и чихал беспрерывно. Мама на похо-

роны не приехала: у неё был нервный срыв, её срочно вывозили на родину, боялись, конечно, за девочку, но всё обошлось.

Владимира допустили к маме и сестрёнке только через две недели после родов. Всё это время он жил с дедушкой, приглядывал за ним, учился в школе и даже не отстал ни по одному предмету. А всё потому, что за час до сна они пробегали с дедом каждый предмет в сжатой форме, как конспект. Письменные задания Володька успевал сделать на продлёнке. Ужинали в санатории. Классно! Ничего готовить не надо: дед платил какие-то деньги – и на тебе, пожалуйста, всё на столе. Если дед забирал Володьку с продлёнки, то и обедали там же, с отдыхающими.

... С утра дед брился, мылся, утюжил мундир, чистил ботинки и успевал давать ценные советы Владимиру, как лучше выбивать нос и мыть уши. Они проверили масло в «Волге», заправили бак бензином из канистры, присели на дорожку на ступеньках веранды.

– Дедушка! Ты звёздочки потерял на одном погоне! Ха-ха-ха, – смеётся внук, увидев, что дед из генерал-полковника превратился просто в золотопогонника.

– Боже мой, старею... Это я их так почистил, – ворчал дед.

Их ждали в семье родителей мамы к торжественному обеду. Володя волновался: ну, во-первых, давно не видел маму, хотя особо и не скучал, как сказала тётя Ира, отвык от родительницы. Потом он увидит свою сестрёнку, которую в честь соседнего государства называли Злата. В-третьих, мама поправилась от нервного срыва. А главное, дед «ждал какой-то подлости». Он не раз пытался поговорить об этом с Владимиром, но каждый раз останавливался, не договорив чего-то самого важного.

Все жали руку деду, выражали искренние соболезнования по поводу кончины бабы Люды. Потом набрасывались на Владимира, будто он жил с дедом за тридевять земель, на другом конце света. «Делов-то: всего лишь на даче, – думал мальчик, – в сорока километрах от города». Повели в детскую комнату, где прямо на разобранном диване, а не в кровати лежало маленькое узкоглазое существо с чёрными волосиками и вздёрнутым носиком. Девочку по грудь закрывало лёгкое розовое одеяльце... И вообще, она походила на большую куклу из детского магазина.

Владимир забыл обо всех. Он наклонился к лицу девочки и, увидев, что она не может поймать его взглядом, лёг на покрывало. Теперь они смотрели глаза в глаза друг другу. Мальчик сказал, почти прошептал:

– Здравствуй, сестрёнка... Меня зовут Владимир. Я так рад видеть тебя. Ты такая красивая... Только чёрная, а я – белоголовый. Так меня дедушка зовёт. Вот тебе подарок. – Володька, не поднимая головы, чтобы не упустить взгляда девочки, достал из кармана брюк звоночек из обожжённой белой глины и тут же позвонил. Тонкий мелодичный звук сразу услышала малышка, стала искать колокольчик глазами. Нашла руку брата, увидела колокольчик, вроде бы даже улыбнулась и снова перевела взгляд на мальчика.

– К столу, дорогие мои, к столу! – громко, речитативом проговорила бабушка Вера. – Володенька, внучек, сядь рядом с мамой... Да-да, с мамой! Ты так долго её не видел. У нас второго деда нет. А твой пусть отдохнёт от тебя!

– Я, вообще-то, не устал от внука, – парировал, но как-то мягко и робко, дедушка Савва.

– А я хочу с дедушкой, – сказал мальчик с нотками упрямства в голосе.

– Что это ты, сынок? – Дед выразил недовольство поведением внука. – Просят тебя... Это же мама.

– А почему он сыном зовётся? – это опять встряла бабушка.

– Я хочу быть с тобой, дедушка! – Вовка понял, чего не мог так долго сказать дед: его, как сына, хотят оставить здесь, навсегда. «Ну уж фигушки!» – подумал мальчик и демонстративно засунул руки в карманы брюк. Он всегда так делал, когда чувствовал несправедливость взрослых по отношению к нему.

– Пожалуйста, Владимир, сядь рядом со мной! – ледяным голосом сказала мама.

– Нет... Нет! Я хочу быть с бабушкой! Всегда!! – Мальчик, сам того не ожидая, разревелся. Он смотрел на мать, в – глазах ненависть. – Ты – предательница! Ты, ты забыла папу. Ты бросила меня! Да, я всё знаю! Всё...

И, не медля ни секунды, Вовка побежал из квартиры. Ожидая ещё гостей, двери не закрыли на многочисленные замки.

Он легко выбрался с третьего этажа по пожарной лестнице и напрямик направился к чёрной «Волге». До самых стёкол машину покрывал густой серый налёт из дорожной пыли. Мальчик вытер слёзы и стал пальцами рисовать человечков с большими головами, маленькими туловищами и раскинутыми в стороны руками и ногами. За несколько минут их получилось около десятка...

Все человечки плакали.

5. Сталкер

Володька попросил Пашку об одном: при бабушке о Сталкере – ни слова. Сосед по парте, конечно, поинтересовался причиной запрета.

– Дед был в Чернобыле... Так всё тяжело для него. А здесь мутанты, монстры. Последствия радиации, в общем.

Так и договорились: играли только в Пашкином доме. Жуткая, мистическая игра! Сталкер мог сделать что-то ужасное с людьми. Вовка не выдерживал игру до конца: всё время казённым представлялся дедушка...

А генерал грустил, чаще обычного, по два раза в неделю, ходил на могилу бабы Люды. Володю брал с собой только по воскресеньям, молча сидели на скамейке за общей оградой, несколько раз он говорил:

– Помни, сынок, вот это место рядом с бабушкой Людой – для меня. Я всё указал в завещании, но мой брат старше меня... Поэтому ты держи на контроле мою просьбу.

– Дедушка, ну что ты всё о смерти да о смерти? Ты же сам всё время говоришь: «Будем жить!»

– А я – не отказываюсь... Ты уже большой, всё понимаешь. С тобой я проживаю третью жизнь. И я так счастлив! Так благодарю судьбу за то, что ты уговорил маму не трогать нас до конца учебного года.

– А ты точно поедешь со мной в Прагу?

– Точно... Я обязан привезти тебя к маме, в её новую семью. Ни один суд не даст мне право опекуна над тобой. Советовался я с прокурором, моим товарищем. Он всё точно доложил. Проиграл я на всех фронтах...

– Будем жить с тобой за границей. Отделим полдома, поставим ринг, Златка подрастёт, будем её тренировать. Разве это плохо? А, дедушка? Можно же так сделать? – Володька, независимо от себя, начинал реветь, укрادкой, тихонько, чтобы не расстраивать деда.

– Подойди ко мне, Володя, – сказал как-то после школы дед Савва. Он поставил мальчика перед собой, положил мелко дрожащие руки на плечи, продолжил:

– На этом свете мне уже ничего не осталось ждать. А у тебя будет семья, ты привыкнешь со временем к маме, сестрёнке Злате, новому папе...

– Ну зачем ты так?

– Затем, что ты уже взрослый и понимаешь эти вещи. У каждого человека должна быть семья. Без этого нельзя... Пропадёшь... И мне так спокойнее. Вот завещание. Тебе я завещаю всё своё движимое и недвижимое имущество. Вот банковский вклад на три миллиона рублей. Все генеральские сбережения. Негусто, конечно, но на учёбу тебе хватит. Квартира и дача – всё на тебя записано, но по достижении совершеннолетия. Так что ты у меня – миллионер... Ха-ха-ха-хё-ёх, – смеётся дед.

– Дедушка, а на фига мне всё это?!

– Ты же в капитализме живёшь... Сейчас без денег нельзя! Без денег сейчас – ты ничто, прости меня, за грубость. – Дед не договорил. – Но об этом ты сообразишь, когда закончишь школу, пойдёшь в летное училище. Ты не передумал?

– Нет, конечно, как и папа, в академию имени Юрия Алексеевича Гагарина!

– Вот и хорошо... Это письмо я написал за своей подписью и печатью, как старый командующий. Если тебе будет невыносимо в жизни, ты прочитай его и реши: кому из военачальников передать. Я прошу не бросать на произвол судьбы сына Героя России...

Дед, запрокинув голову, долго дышал, не глядя на внука.

Потом вдруг спросил:

– А что за игра у вас с Пашей, на веранде вы сражались, пока я спал в кресле?

- Да, это про Сталкера... Мутанты там, лесные люди, почти дикари.
- Там и Чернобыль вспоминается? И о реке Припять вы говорили?
- Да, всякая чушь...
- Нет, сынок, это не чушь. Это тысячи облучённых жителей города и солдатиков, которых я бросил на реактор. Это медленная бесконечная смерть...

* * *

Год в школе Володя закончил почти на отлично. За несколько дней они упаковали с дедом вещи, собрались лететь в Прагу. И вдруг появляется заграничный папа. Он поблагодарил на ломаном русском языке дедушку Савву, объявил, что, с учётом возраста и дороговизны перелёта, тому не надо лететь. Да и внуку так спокойнее.

– Резать так резать! – сказал он. – Вы – человек военный, должны понять...

На удивление, Владимир молчал: не плакал, не капризничал, замкнулся и ни слова не проронил до самого прощания с бабушкой. Они ушли к реке, около часа ходили по берегу, крепко держась за руки. Счётчик таксист выключил, получив от генерала двойную стоимость дороги в аэропорт.

– Ты всё понял? – спросил дед, целуя внука.

– Я буду писать тебе письма... Передавай привет бабе Люде.

– Прощай! Ты настоящий сын...

* * *

Владимир, Володя – Белая головешка больше никогда не увидит деда.
Генерал застрелился ночью.

Поздние соловьи

Сына, родившегося в семье Василия Колышкина, героя войны, вернувшегося зимой 45-го домой инвалидом первой группы, назвали Вадимом. До него в семье уже было четверо ребят. И вот – дитя Победы. Он оказался здоровым пацаном, который рос как и все мальчишки многоквартирного муравейника, именуемого в документах общежитием ткацкой фабрики. На четырёх этажах кирпичного дома размещалось порядка семидесяти комнат с общими кухнями, туалетами и умывальниками. Однако была горячая и холодная вода, а в подвале располагалась прачечная с несколькими ваннами и душем. Жили, как говорится, даже с некоторым социальным «комфортом».

Отец

Они идут с отцом по разбитой подводами осенней дороге, как две странные тени. Одна, покрупнее, сгорбившаяся, волочит по грязи ногу, подпирая её самодельной еловой палкой. На отце фуфайка без карманов, обшитая чёрной технической марлей, которая закручивается под коленями и мешает идти. Одежда напоминает брезентовые накидки грузчиков, в которых они, матерясь и сморкаясь, таскают по дощатым настилам тяжеленные мешки.

Отец еле дышит, часто останавливается, на сына не обращает внимания. Вадим то и дело забегает вперёд, старается схватить свободную руку отца, чтобы идти рядом. Не выходит: тот зажал в руке носовой платок, сделанный из выпетшей наволочки и подрубленный по краям грубым швом. Вытирает лоб, одновременно поднимая огромных размеров чёрную драповую фуражку, кажущуюся сыну жуком-плавунцом, вдруг надумавшим взлететь в небо.

– Папа! – запинаясь о палку, вскрикивает сын и падает отцу под ноги. – Па-па... – уже сдавленно, стараясь отползти от падающего на него тела, хрипит мальчик. Отец не смог сгруппироваться, выставить вперёд руки, рухнул на бок, спасая сына. Его безжизненная нога застряла в колесной колее. Они возятся в холодной жиже, один тихо поскуливая, второй – бормоча что-то невнятное и пытаясь нащупать во внутреннем кармане фуфайки лекарство, полученное в аптеке. Инвалидам войны его отпускают бесплатно, но завозят в поселковую больницу крайне редко.

Вадим грязными озябшими руками тащит отца за локоть. Мальчик непрерывно повторяет: «Папа, папа, давай, подымайся, папа...»

Как Вадим оказался вместе с отцом на этой дороге – мама ли дала его в провожатые или сам попросился, – он не помнил.

Ещё один эпизод застрял в голове у Вадима, но сместился и в пространстве, и во времени. Он до сих пор не смог бы сказать, когда это произошло: до дороги в аптеку или позже. Но это и не важно, он хранил его в памяти и никому не рассказывал, даже родным братьям.

Послевоенные мальчишки курили дешёвые папиросы и сигареты «Пушка», «Прибой», «Север», почти не прячась. Малышня, семи-восьми лет, подражая им, набирала «бычков» – окурков, – уходила в овраг, в который была протянута внушительных размеров труба для водосброса, забиралась внутрь неё и смолила эти окурки. Вадим не отставал от приятелей, и «бычки» собирал, и смолил их, как заправский курильщик. Об этом знал только средний брат, кстати, игравший в футбол и не куривший совсем.

Но он молчал, наверное, стараясь поддержать авторитет младшего брата.

После очередного похода к трубе мальчишки выбирались из оврага не по тропинке, а напрямик, по крутому склону, хватаясь за стойкие кусты полыни и стебли лопуха. Вадим и не заметил, как оказался на кромке оврага и почти носом упёрся в живот отца. Тот стоял подпираясь палкой, не еловой, а аптекарской, светло-жёлтой, с ручкой и резиновым наконечником. Взял сына за руку, повёл к дому. На краю зелёной канавки у футбольного поля отец присел на траву, достал из кармана пиджака кисет, рулончик газеты и протянул всё это хозяйство сыну. Вадим не боялся, он не знал, что такое отцовская порка ремнём.

– Я не хочу, – сказал сын, – уже накурился, – и тяжело вздохнул, показывая, как противно ему после окурков.

Отец умело, не спеша, скрутил самокрутку, прикурил от спички, затянулся. Молчал, снова затянулся, сказал, выпуская дым:

– Надо мать предупредить, что в доме появился новый курильщик. Это плохо, потому что денег не хватает даже на одного курящего. Придётся мне бросать курить, это непросто, я всю жизнь курю, привык... Кашель замучает, доконает он меня, я знаю, пробовал уже не раз бросить эту заразу.

Молчал отец долго, уже погасла самокрутка, он заплевал её, затёр в землю.

– Может, бросишь курить-то, сын, тебе ведь легче, ты, думаю, еще не привык?

– Брошу, – сказал Вадим. – Мне всё равно не нравится. Тошнит, и голова кружится. Брошу, пап...

Он помог отцу подняться с травы, передал ему лёгкую отшлифованную палку, и они пошли, обнявшись, к дому.

... Мать знала о приближающейся смерти мужа. Она отделила в огромной комнате угол, где Вадим спал вместе со старшими братом и сестрой. Мальчик помнил стоны, яркий свет и приход врачей скорой помощи, хруст и сдавленные крики отца, лежащий у перегородки ком желтоватых простыней, насквозь пропитанных кровью. Потом – тишина, сон, кажется, что мгновенный, лучше бы его не было, и голос мамы:

– Сынок, проснись... Папа хочет с тобой проститься... Умирает.

В открытое настежь окно струился молочный свет, неслись трели последних июньских соловьёв. Почему они так надолго задержали свои свадьбы в эту весну, оставалось загадкой. Как и то, что они могли жить и размножаться в хилой рощице из недавно высаженных на склонах оврага лип и тополей, петь рядом с работающей днём и ночью фабрикой.

Мальчик подошёл к широкой железной кровати, где поверх белой простыни лежал худой маленький человек. На тумбочке, рядом, на белом платке выстроились в рядок разноцветные, как в трубке калейдоскопа, награды фронтовика. Было душно, у Вадима кружилась голова, он не мог смотреть на белые холщовые кальсоны и рубашку с длинными рукавами, в которые одели отца. Тот молчал, ничего не говорил, смотрел на Вадима. Он даже руки не мог поднять. Только смотрел и молчал. Сын не знал, что делать, хотел заплакать или спросить: «Как это – умирает?»

Мама погладила голову сына, тихонько подтолкнула к отцу. Вадим наклонился и поцеловал умирающего отца в плечо. Круто развернулся и бросился к маме. Повис на шее, целовал лицо и, как в бреду, повторял:

– Как умирает?! Зачем умирают, мама?! И ты умрёшь, ма-а-ма-а?!..

Она гладила волосы сына, молчала. По щекам текли слёзы. В окно врывались сольные партии маленьких, неказистых с виду птиц.

... Дождь на кладбище хорошо запомнился мальчику, мокрый лоб отца, накрытый саваном, в который он ткнулся губами. А потом всё: ни единой картинке об отце не сохранилось в его памяти.

Мама

... Внешне мать спокойно перенесла смерть мужа, на поминках изрядно выпила, пела тоскливо, с подвыванием:

Оха, оха,
Бис-с-с Васятки плоха,
Куда ни повернис-ся,
Кричат «посторонис-ся»...

Потом начинала плакать, навзрыд, роняя голову на руки, размазывая слёзы по лицу. Успокоившись и выпив ещё домашней браги, она как-то тупо смотрела на пятерых детей своих, старшему из которых, лётчику, было чуть больше двадцати, младшему – восьмой год. Вадим ушёл с поминок во двор, там его ждали.

– Ну чо, принёс браги? Чо так долго-то? Мать твоя давно забухала, а ты сдох со страху. Хезун маменькин, – орал Петька Молотиллов, ученик вспомогательной школы для умственно отсталых детей. Его все звали Дебиллом.

– С братом говорил. Вот, он передал вам бутылку и конфет. Сказал, чтобы вы помянули отца.

– Брательник у тебя чо надо. Это не фраер, лётчик... – И заорал во все горло:

Мама, я лётчика люблю,
Мама, за лётчика пойду!
Лётчик делает посадки
И гудит – без пересадки!
Вот за это я его люблю!

Все ржут, но по-хорошему, Вадим это чувствует и гордится своим старшим братом. Бутылка пошла по кругу, пацаны пьют брагу жадными глотками, нехотя отрываясь и закусывая шоколадными конфетами «Буревестник». Всем поровну, всё по-братски. Дошла очередь и до Вадима. Он делает глоток, замирает от приторного, сладковатого вкуса напитка. Потом чувствует спазм в животе, успевает передать бутылку кому-то из пацанов и бежит к забору. Его выворачивает наизнанку. Слышит, как говорят: «Во козёл, всю брагу взбаламутил! Даже пару глотков не смог сделать. Учился бы, гад, у своей матери бухать».

Вадим до сих пор считает, что маму сломали обстоятельства. Она редко напивалась, старалась уходить от угощений, застолий, то одних, то других случаев: свадеб, поминок, бесчисленных дней рождения, происходящих в этом живом муравейнике ежедневно. А мама, будучи безграмотной женщиной, не умевшей кроме того, чтобы расписаться в документе, ни писать, ни читать, слыла хорошим оратором. Последовательно, логично и обстоятельно она говорила про человека такие простые и тёплые слова, без фальши, искренне, что её приглашали на любое семейное торжество. Конечно, все знали, что Серафима Ивановна может сорваться, перебрать свою норму, боялись этого, но не приглашать её было неприлично.

... В парке культуры и отдыха, цветнике организованного досуга, горожане любили рассаживаться на пологом берегу реки: пили, ели, снова пили, пели песни и даже устраивали коллективные пляски – «Елецкого» или «Семёновну». Ссорились редко, драк практически не было: женщины зорко следили за своими мужьями, предотвращая любые инциденты. Серафима Ивановна угощала подругу Анну Павловну, поминали, царствие ему небесное, отца Вадима. Десятилетний пацан находился неподалеку, катался на самодельной карусели.

Потом он смотрел показательные выступления на водоёме, которые устроили пловцы из сборной города. Месяц назад мощный земснаряд расчистил и углубил русло реки в несколько раз. Любопытные зрители постепенно собрались на берегу, смотрели, даже стали аплодировать победителям заплывов наперегонки. Красиво плавали ребята, молодые, с мощными торсами, длинными гибкими руками. Вадиму очень хотелось стать спортсменом, научиться так же быстро плавать.

– Тонут! Одна утопла!! – орали несколько женщин, бегая по берегу и зовя на помощь мужчин. У Вадима ёкнуло сердце. Он бросился к затону, переполз через кучи песка вперемежку с илистой землёй, которые остались после земснаряда. Краем глаза успел разглядеть, что в двух метрах от берега барахтается тётя Нюра. Матери не видел. Не снимая майки и шаровар, плюхнулся в воду. Так и кружил по водной глади. Его маленькое сердечко цепенело от страха и ужаса.

Увидел наконец, что двое спортсменов кого-то рывками толкают по воде, поддерживая несчастному голову. Вадим отчаянно заработал руками, догнал пловцов, уже вытаскивавших безжизненное тело на берег. Это была... его мама.

Спортсмены делали матери Вадима искусственное дыхание, бюстгальтер сорвали, груди разъехались по бокам, большие, белые, они мешали спасателям работать. Вадим присел на траву рядом с телом, снял майку и постарался прикрыть мамину грудь. Соседи подсовывали плотную скатерть под спину Серафимы Ивановны. Она не реагировала, голова её качалась из стороны в сторону в такт искусственному дыханию.

Вадим закрыл лицо маленькими ладошками, плакал навзрыд. «Всё, всё, конец, – думал он. – Господи, помоги, оживи. Очнись, мама!» – шептал Вадим.

Он не заметил, когда мать задышала. Уже лежа на боку, она издала трубный звук, её обильно вырвало. Запах перегара пополз по всему берегу реки, будто в этом месте мыли старую бочку из-под браги с мёртвыми перебродившими дрожжами. Врач скорой помощи надёрнул на нос маску, а когда Вадим с матерью были в машине, негромко, но внятно сказал:

– Бог любит... – Он посмотрел на Вадима и не стал добавлять слово «пьяниц».

После трагедии в парке Вадим ни разу не видел мать не только выпившей, но даже подносящей рюмку к губам. Она ничего не говорила, не объясняла, просто перестала замечать вино.

Но до самой смерти мамы Вадим не мог простить ей пережитого ужаса. Все годы, больше двадцати лет, Серафима Ивановна чувствовала напряжение в сыне. Она стала бояться его, заискивала перед ним, словно ребёнок. Вадим всё понимал, но ничего не мог с собой поделать. Давал деньги, покупал вещи для матери в командировках, но это не меняло главного: он не мог обнимать и целовать её так, как делал это мальчиком в ночь смерти отца. Когда пели такие поздние соловьи...

Семь буханок чёрного

Валька первым перешёл речку. Трусы и майку держал на голове. Иногда вода доходила до подмышек, щекотала кожу. Давно не стриженный, с густыми русыми волосами, он выглядел старше своих девяти лет. Сейчас он проползёт жёсткую прибрежную осоку, заберётся на старую иву и осмотрит нижнюю часть огромного поля с огурцами, раскинувшегося по всей излучине широкой и неглубокой на плёсе реки. Дело знакомое: он отследит, как сторож на старой совхозной кляче с берданкой в руках объедет ближний к воде участок и удалится за пологий холм.

На всё про всё – полчаса, если сторожа, конечно, никто не задержит по дороге. Тогда счастье подвалило, можно не психовать, даже съесть прямо на поле несколько пупырчатых, нежных и сладковатых на вкус огурцов. «Как же хочется жрать, – думает Валька, – может, сначала самому нарвать огурцов? Нет, подлянка будет...» Он машет синей майкой, его худенькое тело на дереве хорошо видно с противоположного берега. Пацаны, без суеты, почти ровной шеренгой входят в воду, несколько минут – и они на огуречных бороздах. Не вставая в рост, почти ползком передвигаются по полю. У старших в руках мешок на двоих, младшие собирают огурцы в завязанные сверху узлом майки.

Недоглядел Валька, не увидел, как с левой стороны поля, оттуда, где вершина холма и шалаш сторожа, к пацанам мчатся несколько всадников. Они, не разбирая дороги, топчя борозды, стремительно приближаются к мальчишкам. В руках у них длинные, с алюминиевой проволокой плётки, двое с палками.

– Атас, пацаны! – заорал фальцетом Борька Головкин, предводитель ватаги. – Тикай, в осоку!!

Поздно... Вальку, успевшего добежать только до приречной дороги, окружили двое всадников, стали стегать плётками. Кони старые и ленивые, но от бега разгорячились, их трудно удержать на месте. Мальчишка увёртывается, лавируя между лошадьми. Но вот точный удар плёткой по спине, и кожа будто треснула, кровь хлынула на поясицу и ноги.

– Дяденьки! За что? Ой, больно... Ой, как больно...

Он крутился волчком, умудрялся залезать под брюхо лошадям, но его выталкивали палкой и снова стегали по худенькому и гибкому тельцу. Валька не мог больше сопротивляться, лёг в дорожную пыль и закрыл голову майкой. Из неё выпали три пупырчатых зелёных огурца.

– Ах, вы так, гады! – взвился Борька, остановившийся на секунду в воде и увидевший, что творят совхозные парни с Валькой и двумя другими мальчишками. – Пацаны! Назад! Бейте сволочей! – И вся ватага развернулась, стала шарить руками по дну реки, пытаясь нащупать булыжники. Борька достал складной охотничий нож, подарок отца после окончания седьмого класса, и пошёл на всадников. Деревенские парни опешили: уж больно дурная слава ходила об их соседях, живущих через реку, в городском окраинном посёлочке. Да и многовато их выходило на берег. Бросив палки, деревенские, как бы нехотя, пытаясь изобразить на лицах нежелание связываться с сопляками, потрусили приречной дорогой на холм, к шалашу. Там всё-таки существовала реальная берданка.

... Валька лежал лицом вниз. На спине несколько вздутых шрамов от ударов плётками и бороздки пыли, по которым сбегала кровь, такая алая и яркая, что мальчишки остановились, как вкопанные. Борька первым наклонился над малышом, осторожно поднял его и положил себе на плечо. Мальчик застонал, глаз не открыл, тонкие руки висели как плети.

– Пацаны, берите палки этих козлов... Они ещё ответят нам за всё! Сань и ты, Колька, сымайте шаровары, палки – суйте в штанины... Так, законно получилось, как носилки. Берём Вальку и пошли, я после реки меняю Саньку, ты, Пузырь, – Кольку. А то они без штанов, неудобно по посёлку-то шастать.

Процессия напоминала похоронную, переправились умело и спокойно, на середине реки Вальку специально окунули три раза в воду, смыли кровь и пыль. Он ожил, открыл глаза, лёжа на животе, крутил головой по сторонам, сплёвывал воду. Сказал, больше обращаясь к Борьке:

– Всё нормально, пацаны, сам пойду... А то папка узнает, попадёт как миленькому.

– Лежи! – сказал Борька. – Не дай Бог, заражение крови будет... Чо делать-то тогда?

Дома у Вальки кроме сестрёнки никого не было. Катька, увидев брата, не охала, не кричала, хотя была старше всего на два года. Она метнулась к посуднику у кухонного стола, нашла пузырёк с зелёной и вернулась к брату, которого пацаны еле удерживали на самодельном диване.

– Папа говорил: нет йода – мажь зелёной... Первое дело от заражения. Лежи тихо, горе моё! Шас, протру маленько.

Она намочила под краном старую чистую наволочку, встряхнула в воздухе и аккуратно положила ткань на спину брату.

– Кать, мы того, пошли, – сказал Борька, – ты только отцу не фукесай. Валька молодец, всех пацанов спас.

Катька на них ноль внимания, вся сосредоточилась на Валентине. Подняла наволочку, стала дешёвой фабричной ватой мазать кровоточащие рубцы. Запуталась, считая, сколько их уместилось на маленькой спине. Одновременно сообщала брату новости:

– Шляешься где ни попадя и не знаешь того, что папа приехал с заработков...

– Как приехал?! – подпрыгнул на соломенном матрасе мальчишка. – А где же он?

– Тебя искал, хотел в баню взять. Сказал, если успеет, пусть идёт прямо в парилку, он предупредит дядю Сашу – банщика...

– Какая, на хрен, баня, Кать? Как картинку разукрасили всего. Мамка точно прийдёт вечером. А всего-то хотел пяток огурчиков домой принести...

– Валь, так чужое всё это! Как можно-то? Я думаю, и от отца тебе попадёт...

– Не, батя не тронет меня, он меня уважает... Я за семью стремлюсь.

– Ой, держите меня, устремитель! Вон, папа мешок хлеба привёз, за работу с ним расплатились. Сказал, что, кроме денег, целых семь буханок чёрного дали!

– Иди ты! – не поверил Валька. Встал с дивана, пошёл к кухонному столу, возле которого стоял солдатский вещевой мешок. С ним отец прошёл весь Ленинградский фронт, полтора года госпиталей, в нём привез пять медалей и орден Красной Звезды, а также книжечку, где записано: такой-то такой-то является инвалидом второй группы. Валька присел на корточки, потрогал зеленоватую парусину, руки ощутили плотные буханки хлеба.

– Кать, умираю, жрать хочу со вчерашнего вечера...

– Подожди чуток, скоро и мама с работы вернётся, и папа дома будет. Хотя папа сказал: Валька придёт – накорми его. Только немножко пусть ест, а то заворот кишок будет...

Мальчик уже не слушал сестру: он умело развязал солдатский узел, завернул края, из мешка глянули головки сразу трёх буханок чёрного хлеба. Запахло ржаной мукой, да такой вкусной, что у Вальки закружилась голова. Он вынул буханку, положил на стол, наклонился и снова завязал мешок. Осторожно взял хлеб обеими руками и понёс, как сокровище, к сестре на диван. Катерина деловито оттирала пальчики от зелёнки.

– Кать, пополам?

– Что ты, шальной, я столько и не съем... Да и ты сразу обожрёшься.

– Нет, Кать, я так хочу есть...

– Да ешь ты, глупый, ешь... Вон папа сказал, что товарищ Сталин провёл денежную реформу. Снизил цены повсюду. Теперь, сказал папа, мы заживём хорошо.

Катя ещё что-то рассказывала о папе и соседях, отщипывала кусочки от своей половинки хлеба и отправляла в рот. Пропустила момент, когда Валька доел свою порцию и стал смотреть

на вторую половинку буханки. Она заглянула в глаза и увидела такой голод, что отодвинула от себя краюху и сказала:

– Ешь, конечно... Но я тебя предупредила о завороте кишок.

... К вечеру у Вальки поднялась температура, он обхватил живот руками и катался по полу, как юла. И папа, и мама, и Катя не знали, что делать: спину ли лечить или от болей в животе спасать мальчишку. Мама побежала к папиной старшей сестре Наталье, монахине, как все её звали за чёрные одежды и вечный тёмный платок на голове. Одинокая, без мужа и детей, она очень любила Вальку, больше всех на свете. Он звал её баба Ната, знал, что она его любит, и крутил ею, как хотел.

Баба Наталья уложила Валентина на родительскую кровать, гладила его живот, шептала молитвы. Тихо-незаметно влила в рот литр воды с касторовым маслом. Потом отец разместил сына на коленях попой вверх, и лекарка резиновой грушей накачала туда тёплой воды, наведённой с кусочком благородного мыла «Красная Москва».

Очистился мальчишка часа за два: из него текло как из утки. Мама напоила больного горячим чаем и уложила вместе с Катей на родительскую кровать. Дети уснули быстро и спали крепко, спокойно, похоже, без снов. Валька разметал руки в стороны, походил на маленький самолётик.

Наталья собралась уходить. Надела белую косынку, поверх неё повязала тёмный платок, обернувшись от двери, сказала:

– Александра, если узнаю, что ты была по спине Валентина, проклянущу... Ты меня знаешь: слово моё тяжёлое, свет будет не мил.

– Клянусь на иконе, Наташа! Не была я его... – Мать опустилась на колени, смотрела на тёмный лик родственницы и беззвучно плакала, не вытирая слёз. – В сов-хо-зе огур-цы во-ро-ва-ли, па-ра-зи-ты...

– Я всё сказала, – донеслось из-за незакрытой входной двери.

... Валька снова летает во сне. Он превращается в маленький самолётик и плавно поднимается к белым облакам. Самолётик с человеческим сердцем. Оно то замирает от ощущения высоты, то начинает учащённо биться, когда стремительно падает на лес, речку, глубокие овраги. А вот и двор со старыми тополями, вороны каркают, сидя на толстых сучьях, тренькает мелодично звонок проходящего возле самого забора трамвая. Голос бабы Наташи, суровый, с хрипотцой: «Александра... проклянущу... ну-ну-ну! Слово моё тяжёлое, свет будет не мил... ил-ил-ил!»

«Мама, не бойся, баба Ната хорошая... Добрая... Я знаю!» – хочет крикнуть Валька, но голос сел, язык колючий, шершавый... Самолётик снова взмывает вверх. Тревоги уходят из маленького сердца. Остаются только ощущения от счастья полёта, радости открытия земли, бесконечно широкой и большой.

Полюсы недоступности

Соня походила на летящий ветерок. У неё были острые ключицы и недоразвитые бугорки груди. Она стала для Ивана божественным созданием, таким лёгким и ломким, что ему постоянно хотелось защитить её. Он знал о моде «сталинских соколов» на балерин, на умение богатых содержателей создавать иллюзию счастья на одну прекрасно проведённую ночь. Но женились они, как правило, на провинциалках, которых выписывали по окончании лётных училищ из дальних уголков необъятной Родины, из тех сел и деревень, где учились вместе в сельских школах-семилетках.

Иван полюбил эту незаметную девушку из кордебалета Большого театра с первого взгляда. Она была такая худенькая, такая беззащитная, что у него, мастера спорта по боксу и гребле, сжималось сердце при одной только мысли, что её кто-то может обидеть, вот так просто взять и переломить пополам. Вместе с другими «поклонниками» Большого театра он несколько раз стоял у подъезда служебного входа, но так и не решился остановить стремящуюся незаметно пройти девушку. Через подружек своих друзей он узнал, что зовут её София, что она коренная москвичка, что весит как большой барашек и что у неё нет кавалера.

Познакомил их случай. Иван прилетел после двухмесячной командировки с острова Рудольфа, прямо в полярной куртке припёрся к театру, встретил там старого знакомого – штурмана экипажа знаменитого лётчика. Тот был с огромным букетом роз, бутылками шампанского в карманах тонкого кашемирового пальто, в белом шёлковом кашне.

– Пойдём со мной! – заорал он, словно глухой.

– Ты с полётов? – спросил Иван. Он знал, что, находясь в полёте по двадцать с лишним часов непрерывно, уши закладывает так, что голос сам по себе начинает вырываться наружу. – Я тоже, даже не переоделся ещё...

– Кого заприметил, скажи? Я – ветеран среди поклонников, может, знаю.

– Да мы даже не познакомились толком, не представились друг другу...

– Ну ты даёшь, брат! Покажи, я быстро обстригаю это дельце.

– А ты чего с вином?

– Так сегодня у моей примы день рождения. Рвался к ней со всех паров. Еле успел.

Помолчали, закурили. Иван достал короткую трубку, не стал набивать её табаком, чиркнул спичкой и тут же прикурил, раздувая дымок из маленького эбонитового вулканчика.

– Эх ты, чёрт, как удобно. А табак ты что, заранее набил?

– Да. Мне хватает на два прикура, если спешишь или, как сейчас, когда не хочется возиться с мешочком.

– Надо перенять опыт.

– Дарю, – сказал Иван, выбил из мундштука остатки табака и протянул трубку своему товарищу. – Новая почти, раскуривай сам, привыкай. Но главное в трубке я тебе сделал... Это сложная наука: её надо аккуратно обжечь, отшлифовать...

В это время двойные двери служебного входа открылись, из них выпорхнула первая стайка девушек. Не поймёшь, кто был танцовщицами, кто хористками. Все молодые, смешливые, красивые, довольные тем, что хорошо прошёл спектакль, что их, наверное, похвалили, что и они могут наконец-то бежать к своим семьям и возлюбленным. Знакомый Ивана сделал несколько шагов вперёд, вместе с цветами обхватил девушку довольно крупных размеров, поднял её кверху и заорал на всю округу:

– С днём рождения! С днём рождения...

Потом развернул её к Ивану и сказал:

– Тая, познакомься, это мой кореш, Иван... Он ищет свою неразделенную любовь. Надо ему помочь.

– Таисия, – сказала девушка и протянула руку в белой вязаной варежке.

– Между прочим, заслуженная артистка республики, солистка, – начал перечислять лётчик заслуги своей возлюбленной. Но в это время из дверей вышла Соня. Она подняла глаза, увидела Ивана, быстро отвела взгляд, хотела незаметно проскочить возле шумной компании. Но Таисия была на страже: она моментально всё поняла, схватила девушку за руку, подтянула к себе и сказала:

– Сонечка, милая моя, давно всё хотела с тобой поговорить, да дела, гастроли. Всё никак не получалось... Ты у нас в какой группе-то?

– В третьей группе, – тихо-тихо сказала девушка. А у Ивана сжалось сердце. Он впервые услышал этот грудной, чистый, ровный голос. – В третьей, – громче повторила Соня.

– Надо думать, как тебе помогать будем, – сказала Таисия. – Но это, Сонечка, потом, завтра, а сегодня пойдём-ка на мой праздник. Вот и кавалер тебя заждался, бедолага, рта открыть не может от волнения. А ещё ас, «сталинский сокол» называется...

– Я не совсем могу... Мне бы надо зайти в магазин, мама просила.

– Маме позвоним от меня, что хотела купить в магазине, купим в «Елисеевском». Всё равно надо заезжать, у меня вина мало.

Штурман в кашне демонстративно достал шампанское из одного кармана.

– Убери, – довольно зло бросила Таисия, – разобьёшь... Вот дурачина, – сказала Таисия для Ивана. – Кстати, Сонечка, познакомься, это тоже полярный лётчик, Иван. Как бишь тебя по ФИО?

– Афанасьев... Только я не лётчик... Штурман.

– Он хочет сказать, что он из интеллигентной профессии, – захохотала Таисия, – тангенсы-котангенсы... А не пойти ли нам, Афанасьев, за три моря? Поухаживай за девушкой. – И она передала Соню на попечение Ивана.

Иван взял руку девушки в огромные ручища, долго тряс, пока не понял, что сейчас оторвёт этот стебелёк от туловища. Хорошо, что в это время подрулила машина, заказанная товарищем Ивана, чьё имя он до сих пор так и не мог вспомнить. Соня не сопротивлялась, она умоляюще смотрела на Ивана, глаза выдавали, как она хотела бы любить, но жуткий страх перебивал это естественное чувство. Иван не выдержал, сказал ей почти в самое ухо:

– Не бойтесь меня, я прихожу к вам, если не в командировке, на все спектакли... Только Господь не дал возможности познакомиться, подойти к вам.

– Я знаю, – сказала Соня.

Они один за другим сели в машину, Соня оказалась между Иваном и штурманом. Таисия удобно расположилась спереди.

– К Елисееву! – скомандовала Таисия.

– Наша красавица приехала! – Солидные по возрасту и габаритные по размерам, чистенькие, в накрахмаленных передничках и кокошниках, полдесятка продавщиц подбежали к угловой незакрытой нише прилавка, где какой-то дурак из хозяйственников поставил огромных размеров китайскую вазу тончайшего фарфора. Одно неосторожное движение – и это чудо искусства может свалиться на пол, сверкающий плиткой цвета слоновой кости.

– Девоньки мои, рада вас видеть живыми и здоровыми! – с чувством искреннего участия прокричала Таисия. – Давненько вы не были у меня... Кто сегодня свободен? Прошу сориентироваться, едем ко мне на такси... По случаю моего дня рождения.

– Ура-а-а! – завопили женщины. – Но нам ещё целых полчаса работать.

– Пока отоваримся, и время подойдёт...

– Что берём, Таинька? – сказала, видимо, бригадир смены продавцов.

– Всё как обычно, но с учётом всего троих мужичков, – бросила с вызовом Таисия, – четвёртым будет мой родненький брат, малопьющий музыкант.

- Кто третий? – спросил штурман с шампанским, фальшиво разыгрывая сцену ревности.
- Сюрприз... Узнаете дома.

А время неумолимо приближалось к закрытию магазина, когда из него стали выходить последние покупатели, укладывая продукты в соломенные плетёнки. Особенно заметен был хлеб вечернего завоза: он источал такой потрясающий дух жареной муки, что у Ивана невольно сжалось горло, он сглотнул слюну, вспомнив, что не ел с самого обеда. Невольно сглотнула и Соня. «Что, есть хочется?» – спросил одними глазами Иван. «Да, но я малоежка, выдержу», – примерно так ответили глаза Сони. Ей почему-то было так спокойно с этим коренастым сильным человеком с открытым лицом, широкими скулами и светло-кариими глазами, огромными плечами, закрытыми тугим брезентом лётной куртки на коротком меху, что она опять прильнула к руке Ивана, нагруженного увесистой корзиной с продуктами, тихонько потащила его к выходу из резных, ручной работы дверей знаменитого «Елисеевского» магазина.

Из бригады продавщиц к Таисии поехали только две довольно молодые подружки, остальные благодарили именинницу за приглашение, но, сославшись на позднее время, семейные дела, детей, разъехались по домам. Две машины такси нашлись сразу: продавцов и последних покупателей у «Елисеевского» таксисты не только знали в лицо, но и любили развозить их по домам.

В машине Соня не вынимала свою руку из руки лётчика, сняла варежку, такую же белую, вязаную, какую заметил Иван на Таисии. На коленях лётчика стояла корзина, мешала ему ласкать руку девушки. Он развернул верхний бумажный пакет, отломил кусочек свежее испечённого батона и незаметно протянул Соне. Она сначала не поняла, что он пытается вложить ей в руку, смотрела ему в глаза, будто спрашивая: «Что, что случилось?» Иван показал губами жевательное движение. Соня всё поняла, заулыбалась и положила кусочек хлеба в рот. Она зажмурила глаза, замурлыкала словно маленькая кошка, покачивая головой в такт движению машины. Потом, не поворачивая головы, одними пальчиками нашла рот Ивана и вложила в его губы крохотный кусочек хлеба: поделилась. У Ивана перехватило горло, он незаметно откашлялся, стал жевать хлеб с едва заметным привкусом дрожжей.

* * *

- Приехали! – заорал штурман. – Всё близко, всё с доставкой! Выгружайся.
- Телефон, где телефон? – говорила Соня, бродя по прихожей, смахивающей на малое футбольное поле.

Иван поднял тяжёлую хозяйскую шубу, под ней, на столике, нашёл телефонный аппарат, снял трубку и протянул её Соне. Та благодарно закивала головой, дозвонилась до дома:

– Алло, мамочка! Это я. Не волнуйся, я в гостях, на дне рождения у Таисии. Да, той самой, да, заслуженной... Представь себе, пригласила и меня, познакомила с лётчиком, Иваном зовут...

– Не лётчик, а штурман.

– Вот он говорит, что не лётчик, а штурман. Да, он проводит, – сказала Соня, увидев, как энергично закивал головой Иван. – Всё, пока, целую... Да, в магазин я зашла, купила. Говорю, что принесу домой. Ма, но мы же после спектакля. В какое нам другое время можно собраться? Завтра – репетиция и снова спектакль. – Соня положила трубку, покачала головой: – Вот так всегда. Никак не может привыкнуть к нашему режиму и образу жизни.

Вечер был сумбурный, шумный, с солированием Таисии и энергичного штурмана, которого звали, наконец-то вспомнил Иван, Леонидом. После полуночи в квартиру ввалилась большая компания во главе с генералом тыловой службы.

- А вот и обещанный четвёртый мужчина! – закричала Таисия, бросаясь на шею генералу.
- Обижаешь, я не один, со мной ещё двое, журналисты из «Гудка»...

Начали знакомиться, Иван никак не мог вспомнить, где он видел этого моложавого генерала. Пришлось сделать вид, что помнит, как они встречались, что Иван готов продолжить беседу, не законченную в своё время. «Стоп! Испания!» – Иван вспомнил, как на волжском испытательном полигоне проверял состояние навигационного оборудования самолётов, расписывался в большом grossбухе на фанерном столе, стоящем прямо в поле, за которым восседал этот военный. Сзади него виднелись временные рельсы, ведущие в ангары с самолётами.

– Полковник Стеклов? – радостно сказал Иван.

– Бери выше... Комиссар. А ты был там? – Испанию вслух никто не произносил.

– Не пришлось. Так и сидел на навигации...

– Что ж, это тоже надо. Кто-то и навигацию должен доводить. Вот, Иван, времечко было. Как мы всё успевали? А ты уже старшим штурманом стал? Помнишь анекдот? Про старшего техника и боевого истребителя?

– И мы не знаем, – завопили за столом, – расскажите, не жадничайте!

– Служили два товарища, – начал генерал, – один был боевым лётчиком-истребителем, а второй – техником-лейтенантом.

Жён привезли в городок, воевать пошли в некоторые районы. Доходят слухи до жён. «Мой уже капитаном стал», – говорит жена боевого лётчика-истребителя. «А мой всё ещё техник-лейтенант», – отвечает ей вторая женщина.

Прошло ещё какое-то время.

«Мой стал майором, боевой орден получил», – говорит жена лётчика-истребителя. «А мой всё ещё техник-лейтенант».

Встречаются через месяц, жена истребителя вся в чёрном, в слезах: «Погиб смертью храбрых...» – «Сочувствую, дорогая. Давай-ка, приводи детей, пока будут похороны, присмотрю за ними...» – «А твой-то как?» – «Стал старшим техником-лейтенантом... Служить после отпуска будет в московском гарнизоне».

Тишина наступила в комнате такая гнетущая и тревожная, что слышались шумное дыхание Таисии, затяжки папиросы Леонида.

– Пошутил, – сказал Стеклов. – Да, простите, не в кон...

* * *

Иван и Соня ушли по-английски, хотя Таисия всё видела, успела показать штурману большой палец, а затем соединила большие и указательные обеих ладоней в форме колец, ткнула ими себя в пышную грудь. Иван зарделся, закивал головой. Соня их переговоров для глухонемых не видела.

Они перешли пустую центральную улицу, прошли бульваром рядом с Пушкиным, девушка по-прежнему крепко держала Ивана за правую руку. Он сказал ей, что эту руку следует освободить, военному надо держать правую руку свободной для приветствия. Соня нехотя перешла на другую сторону, к его левой руке, канючила, как маленькая, говорила, что ей удобнее висеть на его правой. Иван спросил:

– Ты устала?

Она кивнула. Он посмотрел на занесённые снегом длинные, тяжёлые скамейки и вдруг левой рукой подхватил её за спину, правой – ноги под коленями. В долю секунды она очутилась у него на руках, голова лежала на согнутом локте, ладонью он аккуратно поправил её голову вправо, и они встретились взглядами. Соня не сопротивлялась, зеленоватые глаза светились, в них было столько добра и благодарности, что у Ивана снова перехватило дыхание.

Он осторожно приблизил губы к её губам, холодным, с лёгким привкусом домашних солений. «Любительница фасоли», – вспомнил Иван, как Соня аппетитно уплетала длинные стручки дальневосточного растения. Она приняла его горячие, пахнущие табаком для трубки

губы, стала лизать их, будто стараясь слизнуть горький запах никотина, спокойно впустила его язык внутрь рта и, закрыв глаза, полностью отдалась Ивану.

Он подошёл к скамейке, ногой расчистил снег, уселся так, чтобы хоть краем короткой куртки закрыть нижнюю часть спины. Ивану казалось, что он теряет сознание, улетает от чувства, которое рождалось в нём, когда от поцелуев губ переходил к поцелуям её глаз, щёк, пролезал под оренбургский платок и целовал мочки ушей.

Они потеряли счёт времени, не помнили, сколько просидели на скамейке. Вернее, сидел на заснеженной скамейке Иван, а Соня покоилась у него на коленях. Прошёл милицейский патруль, но, видимо, распознав лётную атрибутику на одежде Ивана, даже не остановился. Но этот эпизод всё-таки отразился в памяти Ивана, он подумал, что утром ему надо на доклад, и не куда-нибудь, а в службу главного штурмана Полярной авиации. Предстояла встреча с начальником.

– Сонечка, мне пора в часть...

– Господи, что это я? Да, конечно. Вы... Ты беги, тут рядом, я дойду сама.

Он проводил её до двери квартиры, они ещё с десятков раз прощались, целуясь, крепко обнимаясь, до боли в спине и суставах. Она первая приняла решение, открыла дверь квартиры.

– Мы когда увидимся? – спросил Иван.

– Хочешь, сразу после спектакля.

– Я могу опоздать, ничего не знаю по завтрашнему дню...

– Я дам тебе телефон. Запоминай. – И назвала московский номер. – Но это не мой. Это моей подруги... Она на гастролях. – Ивану показалось, что Соня покраснела. – А мама не знает... Но это не важно. Я там буду ждать твоего звонка.

И закрыла дверь квартиры, может, даже чуточку поспешнее, чем ожидал лётчик.

* * *

Они не виделись почти два месяца: утренняя встреча Ивана в Полярной авиации закончилась срочным вылетом на дальний аэродром. Непогода накрыла всё побережье Северного Ледовитого океана, экипажи, застигнутые врасплох, спали, ели, читали, углубляли теоретические знания в классе или кабине самолёта. Конечно, Иван передавал несколько восточек любимой девушке, по которой он так скучал, что ему порой бывало страшно ложиться спать. Ночью ворочался, вставал, пил воду, ел шоколад, слушал радио, читал всё, что хранила уже «немолодая» библиотека для лётного состава.

Прилетели они с Севера на мощнейшем самолёте, пробыв в воздухе около двадцати часов, когда в Москве зацвела мать-и-мачеха. Соня отдыхала после репетиции, оставалась дома одна, на ней, кроме шёлкового пеньюара, ничего не было. Она сказала только одну фразу:

– Я не могу без тебя... Я так люблю, что не могу дышать без тебя.

И в самом конце этого безумия, длящегося более двух часов, она тихо произнесла:

– Боже мой, как я сегодня буду танцевать?

Танцевала Соня, на взгляд Ивана, лучше, чем когда-либо. Он заметил, при всей некомпетентности, что она уже выступает с маленькой сольной партией. Это был «Щелкунчик», это был восторг, который Иван не мог скрыть. В антракте к нему подошла Таисия, специально пришедшая посмотреть на Соню, и выпалила:

– Ты всё понял? Вот что значит вовремя заметить талант. Разглядеть надо... Ты мой должник... Но это потом, медведь. Сейчас ты должен немедленно жениться на Соне. Иначе она умрёт без тебя. Всё я сказала! – Она подставила щёку для поцелуя и удалилась, зная, что за ней наблюдает минимум половина фойе Большого театра.

По просьбе руководства Полярной авиации Ивана и Соню расписали на второй день после «Щелкунчика». Ивану дали комнату в благоустроенном общежитии, со всеми удобствами. Но, в общем-то, это была одна большая коммунистическая общага. Соня жила с ним здесь от командировки до командировки. Потом налегке уходила к маме и, не нарушая привычного ритма жизни, продолжала выступать в Большом. Детей они не заводили: Ивану надо было закончить академию, Соня репетировала главную партию в «Жизели», правда, во втором составе.

* * *

Сталин пришёл на спектакль неожиданно, именно тогда, когда выступал второй состав. Он спросил, кто солирует? Ему ответили. Чья она? Ему сказали, что жена штурмана Полярной авиации, который служит у Ивана Дмитриевича Папанина. В антракте Соню привели в ложу. Папанин был здесь же, стоял рядом с Берией. Помня, что Соня – жена Ивана, он ни на шаг не отходил от Вождя народов.

Сталин сказал примерно следующее:

– Вы замечательная балерина, вас ждёт большое будущее. Вы даже не представляете, какое будущее вас ждёт!

Потом он спросил Папанина:

– А где её муж?

– В срочной командировке по проводке судов по Северному морскому пути...

– И сколько он уже в командировке?

– Больше месяца, – последовал ответ...

* * *

Конечно, Иван Папанин не был эдаким всесоюзным добряком-весельчаком, каким его пытались изобразить в средствах массовой информации, литературе того времени и в последующие периоды нашей истории. Это Иван знал не понаслышке, прослужив в его ведомстве длительное время. Даже имея репутацию отличного и зрелого штурмана, Иван чувствовал ревность Папанина. Ему передавали высказывания типа «молокосос – и туда же»: то героические полёты к Северному полюсу, то грандиозная экспедиция на Полюс недоступности. Надо же, как повезло: именно его самолёт стал основным, первым достиг «терра инкогнита».

На самом же деле Иван был лишь частью большого экипажа и частичкой огромного коллектива, готовившего эту экспедицию. В северо-восточной части Арктики, на расстоянии гораздо дальнем, чем надо было лететь до Северного полюса, находился участок географического пространства, где ни разу не ступала нога человека. Никогда. Об этом много писал академик Обручев в своих увлекательных романах, большом количестве научных трудов.

Тянул этот неизведанный уголок природы и полярных лётчиков. Они прекрасно знали, что по весне туда летели несметные полчища птиц, не раз видели на кромке ледовых полей белых медведей и песцов. Но они также знали, что человеку – на собаках ли, пешком ли – невозможно добраться до этого белого пятна. Самолёт может долететь туда, но ему нужны будут взлётно-посадочная полоса и полная дозаправка горючим на обратную дорогу... Значит, лететь надо как минимум двумя самолётами с огромным запасом горючего. Ну а чтобы подстраховка была организована по-советски, высшим руководством страны было принято решение лететь сразу тремя самолётами, самыми современными и могучими.

Экипажу Ивана посчастливилось первому сделать посадку в белом безмолвии. Он один из первых увидел этот не тронутый никем снег, под ним был лёд и пугающая километровая

толща океана. Мировая пресса сравнила по значимости этот перелёт с открытием Северного и Южного полюсов.

– Для нас же главным было другое, – говорил потом Иван журналистам. – Мы – первые. Стране Советов всё по силам!

* * *

На приём в Кремль Иван и Соня собрались быстро. У неё было кое-что из семейного гардероба, Иван надел лётную форму. Кремлёвский зал наполнялся быстро гостями, лица – напряжены, переговаривались вполголоса.

Папанин, напротив, был необычайно весел, громко разговаривал, смеялся над своими шутками, то и дело кричал:

– А вы, засранцы, знали, что по Герою получите?!

Никто не объявлял торжественного вхождения в зал Сталина. Он появился незаметно, буднично подходил к группам людей, с кем-то здоровался за руку, с другими, кто представлялся ему, знакомился кивком, иногда задавал вопрос-два, поздравлял с наградой и не спеша отходил к следующей группе собравшихся.

К Папанину и его группе Сталин подошёл довольно быстро. Иван и Соня часть разговора не слышали, стояли не так близко. Сталин повернул голову и заметил Соню.

– Что за жемчужина появилась на приёме? – спросил он.

– Соня Афанасьева, солистка балета Большого театра и жена нашего лучшего полярного штурмана Ивана Афанасьева, – широко улыбаясь, сказал Папанин.

Сталин подошёл, взял протянутую руку Сони двумя своими и долго держал в ладонях. Сталин смотрел прямо в глаза Соне, потом вымолвил:

– Мы, похоже, уже виделись?

– Да, – едва слышно ответила балерина.

– В антракте «Жизели», в ложе. Помните, я предрёк вам большое будущее? – спросил он.

– Да, помню, Иосиф Виссарионович...

– Будем считать ваш ответ благодарностью, – проговорил он и посмотрел на рядом стоящего Ивана. Тот, как положено по Уставу, представился Вождю советского народа.

– Вижу орден Красного Знамени... Высокая награда. Поздравляю. Вы так молоды, у вас всё впереди. Берегите очень талантливую жену... Соню Афанасьеву. – И Сталин пошёл к следующей группе участников приёма.

– Соня! Поздравляю! Вы оба – молодцы! Зас-ран-цы!! Вас заметил Иосиф Виссарионович! Это отлично! – Папанин был готов задушить их в своих объятиях.

* * *

Гулянье продолжилось за городом, на дачах у руководства, почти до утра. Иван чувствовал себя скверно. Он был крепок на выпивку, но тут явно перебрал с количеством, перемешал шампанское, коньяк и водку. Соня всё время была рядом, молчала, с любовью смотрела на крепкую фигуру мужа, красивую форму, на орден, так по-свойски разместившийся на широкой груди лётчика.

Иван вышел во двор, рядом с летним туалетом его обильно вырвало. Стало гораздо легче, но хотелось пить, и он направился в дом. На крыльце дачи стояли Соня и заместитель Папанина – Синельников, молодой руководитель, пришедший на эту должность из боевых лётчиков.

– Он теперь не отстанет от вас, Соня, – говорил Синельников. – Я знаю. Это было с моими друзьями. Бедный Иван, он его или возвысит, или тот исчезнет с глаз долой...

– Что вы такое говорите, Станислав Ушерович...

– Я знаю.

Иван, почувствовав, что Синельников пьян, стоял и думал, когда ему объявиться на широком крыльце дачи.

Иван буквально вбежал на ступеньки дачного крыльца:

– Кто с моей женой наедине? С первого раза...

– Ванечка, – сказала Соня, – я тебя искала, жду, замерзла уже.

– Иван, ещё раз поздравляю! – Синельников выглядел трезвым как стеклышко. – Жаль, что не Героя, как всем... Но это не моя вина. И береги жену... Я пройдусь, подышу.

– Милый мой герой... Дай я вытру тебя платочком. – Соня достала из брюк мужа клетчатый заграничный платок, который она привезла с гастролей и который, по уставу, нельзя было носить лётчику в кармане мундира, развернула его и тщательно вытерла лоб, глаза, щёки и рот Ивана. Прикосновения рук были лёгкими, воздушными, нежными, Иван чувствовал, как из него уходят злость, обида на весь мир, на Вождя, Папанина, пьяного-трезвого Ушеровича, на то, что не получил звезду Героя.

Не было здесь, в этой обойме, только Сони. Он так любил её, что боялся даже подумать, что вдруг не увидит свою девочку рядом, на кухне, в постели, в дверях служебного входа в театр. На жену он никогда не обижался, не злился, он считал её своим ребёнком, которому требовалось постоянное внимание.

И Соня смирилась с таким положением при Иване. Она начинала жить своей старой жизнью только тогда, когда он подолгу зимовал в Арктике, из-за непогоды не мог выбраться домой. Соня возвращалась в квартиру к маме, из которой она не выписывалась, и мать с дочерью вместе пытались сохранить огонь в угасающем домашнем очаге.

Мать не то чтобы не любила Ивана: она не могла пока осознать, как и почему необразованный, в широком смысле этого слова, молодой человек смог увести от неё единственное сокровище – дочь. Она одна воспитала Соню, назвала в честь великой русской балерины этим именем, прошла ад отборочных конкурсов в балетные учебные заведения. Мать шутила с немногими подругами, что это она закончила балетную школу, а потом и училище, прошла бесчисленные конкурсы и туры и завоевала все призовые места.

Соня была явно неординарной балериной, это понимали и мать, и члены различных жюри и отборочных комиссий. Но не все, особенно после зачисления дочери в балетную труппу Большого театра. Там уже прижились и процветали свои примы и героини, любимцы Вождя и руководителей рангом пониже. Поэтому мать Сони прекрасно понимала, кем бы через двадцать лет вышла её дочь на пенсию – бывшей балериной кордебалета. Она знала о роли друзей Ивана в карьере дочери, о том, что у Сони состоялась после премьеры спектакля встреча с товарищем Сталиным. Это напугало мать Сони – преподавателя английского и немецкого языков индустриального техникума, где она проработала уже много лет.

Соня смеялась, говорила, что у них теперь есть Иван, и что база у него в Москве, и что он, если что, не дай Бог, сможет содержать их обеих до конца дней. Мама несколько успокоилась, роль и значение зятя в их жизни заметно поднялись и укрепились. На этом компромиссе и строились вся последующая жизнь и отношения с матерью.

* * *

Иван узнал, что на даче дежурят две или даже три машины из Главка, и он решил исчезнуть с глубоко надоевшего застолья. Соня не сопротивлялась, хотя в душе была против: ей всё-таки нравилось внимание поклонников.

Машина бесшумно шла по спящему Подмосквовью, шоссе было пустынным, только на въезде в столицу светился несколькими фонариками домик сотрудников дорожной милиции.

Машина остановилась на мигающий огонёк фонарика, водитель вышел на дорогу, что-то сказал милиционеру.

– Иди врать-то, – сказал молодой, сильно окающий сотрудник поста, – так я тебе и поверил...

Иван вылез из машины, одернул китель, не спеша достал трубку, прикурил от спички.

– Товарищ Афанасьев, – вдруг отдал честь милиционер. – Это точно вы? Разрешите поздравить вас и весь ваш экипаж от имени нашего небольшого, но дружного коллектива. Мы так следили за вами... Ну, за вашим полётом... На полюс, значит. Скажите, а вы правда видели там живого песца?

– Спасибо, – сказал искренне смущённый Иван. – Да, песца мы там увидели. И огромного белого медведя. Правда, когда уже поднялись в воздух... Он помахал нам лапой.

– Ха-ха-ха-хе-ёх, – засмеялся милиционер, – скажи кому, не поверят. А ребята спят, отдыхают, значит. Будить их не буду, только уснули.

Помолчали.

– А что за светомаскировка?

– Ночные ученья. Видите, всё затемнено. От возможной атаки авиации противника, – отпартовал патрульный.

– Ну, успехов вам, – сказал Иван, выбил трубку о каблук ботинка, пожал руку милиционеру и быстро влез в машину. Успел услышать:

– Расскажу парням... Не поверят.

– Мой хороший герой, – зашептала Соня прямо в ухо Ивану и положила голову ему на плечо. – Тебе приятно? Скажи, тебе приятно купаться в лучах славы?

– Не шуми, – почти шёпотом сказал Иван. – Приятно... Но мне приятнее в тыщу раз целовать тебя...

И он нашёл в темноте её губы, стал целовать их так необычно, будто слизывал с них варенье.

– Во-первых, говорят – «тысячу». Во-вторых, где ты так научился целоваться? Как приятно. Будто горячим обдаёт... Ещё так же поцелуй меня.

Соня совсем расслабилась, голова её раскачивалась в такт движению машины, иногда спадала с плеча Ивана на спинку сиденья. Тогда он брал её голову свободной рукой и снова укладывал на своё плечо. Он недолго держал руку на щеке и подбородке любимой женщины, тут же опускал пальцы в то место вечернего платья, где за вырезом прятались небольшие упругие груди. Соня сжималась от этого прикосновения, вздрагивала, находила в полной темноте губы Ивана и так страстно целовала их, что иногда ей казалось, что она теряет сознание.

Ночная Москва жила своей жизнью даже при учениях по светомаскировке. Люди спешили на дежурства, к открытию колхозных рынков, машины с горячим хлебом едва ползли, обозначая путь небольшими прорезями на фарах. От Белорусского вокзала до дома Ивана машина ехала более получаса, хотя в обычное время на дорогу уходило десять минут. Иван весь измучился: он не знал, куда уложить руки, чтобы не касаться Сони. Та тоже была в напряжении от ожидания прикосновений мужа.

* * *

В честь премьеры нового спектакля на современную тему и по поводу награждения Сони Сталинской премией её одну, без мужа, пригласили в Кремль. Она плакала, не хотела идти, знала, что Иван или исчезнет на несколько дней, или напьётся до чёртиков. Что будет молчать, не разговаривая, до самого отъезда в какую-нибудь внеплановую командировку на Север. Но все друзья как будто чувствовали настроение Сони и постоянно твердили ей:

– Не заболейте! Вручение Сталинской премии нельзя пропустить.

И вот Сталин увидел грусть в глазах любимой актрисы. Он повернулся к Берии:

– Лаврентий Павлович, надо найти этого таинственного сокола, из-за которого у Сони такие грустные глаза...

Ответ был скор:

– Найдём, дорогой Иосиф Виссарионович!

Папанин, мгновенно протрезвев, выскочил незамеченным из зала приёмов, добрался до телефона, связался с дежурной частью Главсевморпути.

– Срочно, – орал он в трубку, – засранцы!! Афанасьева сейчас же убрать на самую дальнюю точку! *Са-му-ю!!!* До моего особого распоряжения. Теперь всё это оформи задним числом под грифом «Совершенно секретно» и спрячь. Если просочится куда-то информация, головы вам поотрываю.

Берия опоздал на несколько часов. Если бы Ивана не убрали три часа назад с базы на окраине столицы, не погрузили в самолёт и не отправили в Архангельск, он оказался бы в руках Лаврентия Павловича. Затем штурмана перевезли на остров Рудольфа, а потом – на острова, полуострова, мысы и мысочки, где одиннадцать месяцев зима с пургой, а остальное время – лето. Короче, в Москве Иван не появлялся два года. Соня знала, что случилось: они пересеклись с Папаниным и тот всё рассказал.

Она стала солисткой сразу трёх спектаклей, её приглашали на приёмы в Кремль как самую молодую заслуженную артистку республики. Об Иване никто и никогда не вспоминал и не спрашивал.

А тот последнее время сидел на чукотском аэродроме, выводил суда из ледового плена. Отрастил бороду, заматерел, стал ещё мужественнее и красивее. О Соне ни с кем и никогда не заговаривал. Только раз прилетевший туда Папанин вскользь сказал, что Соня будет на гастролях в Америке.

Иван ушёл бы, точно дошёл бы до Аляски, но он так же точно знал, что погубил бы Соню...

Он попросил Папанина:

– Скажите ей: я дышать без неё не могу.

И тот слово в слово передал фразу Соне.

Миллионщики

Руки впились в обструганные рукоятки, старый отцовский ремень наброшен на шею. С ним отец прошёл всю войну. Теперь засаленная, но прочная парусина служит по хозяйству, ремень привязан к тачке. Резкий толчок, усилие, и самодельная тележка покатила по булыжнику, громыхая литым чугунным колесом. Улица ещё спит. С реки поднимается клочковатый холодный туман. Солнце встало, но чувствуется, что день будет ветреным, нежарким. «Хорошо, что надели душегрейки, – тепло думает Серёга о зелёных безрукавных стёганных курточках. – Мама – фантазёрка, придумает же – душегрейка»

– Куда вас понесло ни свет ни заря? Громыхаєте, всех чертей побудите... – Дядя Коля не ругается, ему приятно, что такие трудолюбивые пацаны растут у Маруси, соседки по улице. Жаль, отец ушёл после войны рано. – Езжайте по земляной колее: и вам удобнее, и людям – не в наклад.

– Спасибо, дядь Коль! – ответил звонким голосом младший из мальчиков – Мишка. – Мы на свалку. Костей надо собрать. Утильщик обещал принять у нас с утра у первых.

– Чо ты разорался-то? – одёрнул брата Серёга. – Свалка, свалка... Поори на всю улицу – щас мигом все набегут, у утильщика и денег не останется. – Старший из братьев резко свернул на крупный утрамбованный, как асфальт, песок, колесо затихло, раздавалось лишь шуршание песчинок.

Переехали, умело лавируя между шпалами, трамвайные рельсы, потом нырнули в туннель под железнодорожной насыпью, ведущей на мясокомбинат. Дальше раскинулось царство барачных королей и их подданных. В войну и после неё семья Сергея и Мишки жила во втором бараке. Мама работала дояркой на комбинате, несколько дней до забоя скотины она кормила стадо, доила коров, сдавала молоко в столовую. Дети знали, что в войну семья из пяти человек – отец до тяжёлого ранения воевал почти четыре года – выжила благодаря маме: ей выдавали в день полведра картофельных очисток и банку молока, которое она сама и надаивала.

Мишки тогда, конечно, не было, но Серёга помнит, как ждал прихода мамы: от голода у него сводило живот, а к горлу то и дело подкатывала тошнота. Хлеба почти не видели, из очисток мама варила огромную кастрюлю похлёбки и пекла тонкие блины (забойщики скотины совали ей в карманы халата, зная о четырёх маленьких детях, срезки жёлтого нутряного жира). Вот праздник так праздник, но он выпадал раз в неделю, когда маме давали отдохнуть день. И в ночь она снова отправлялась к стаду, а утром – опять дойка, кормление животных. И всё на себе, вручную, возила воду и корма на двухколёсной тележке. От постоянных доек пальцы на руках разбухали, немели, мама не могла удерживать мелкие предметы. Поэтому кружка под чай – литровая, ложка – деревянная, тяжёлая, до войны отец собирал ею мёд в бидонах на пасеке в деревне, где жил двоюродный брат.

* * *

Бараки прошли стороной, возле грязно-коричневого четырёхметрового забора, отделяющего комбинат от жилпосёлка. На двух улицах – тишина, даже бабки, страдающие бессонницей, не сидели на утеплённых старым войлоком скамейках возле длинных серовато-чёрных строений.

– Пока везёт, – сказал нетерпеливый Мишка, – никого!

– Да заткнись ты! Накаркаешь беду, разбудишь кого-нибудь. – Серёга верил в Бога, ходил тайно с бабушкой в церковь и носил крест. – Господи, спаси, сохрани и помилуй нас...

– Стоять! – Команда последовала неожиданно из кустов лебеды, которые прикрывали забор на полтора-два метра. – Ко мне! – Голос мужской, грубый, даже очень грубый, как в трубе: так эхом отзывается подземный туннель.

Серёга понял: надо подчиниться, – остановил тачку, снял ремень с шеи, прошёл два шага к лебедке, стоял по колено в свежем зелёном молочае. Увидел в кустах нестарого человека, лежащего на боку.

– Ты, дядь, чо? Случилось что-то?

– Подходи ближе... Не дрейфь. Я споткнулся вчера вечером, упал, уснул. Вот очухаться не могу. И до тележки не могу доползти.

И тут Серёга понял: перед ним в траве лежит инвалид без обеих ног. Ни встать, ни скоординировать движения не может... Всё у него получается как у ваньки-встаньки: он обопрётся на культы ног, а туловище опрокинет его на спину.

– Помоги мне, сынок, у забора стоит моя коляска, попробуй вытащить её, малого позови, вдвоём будет легче.

Серёга кивнул Мишке, они пробрались сквозь заросли чертополоха, не спеша, шаг за шагом вытащили трёхколёсную инвалидную коляску с механическим управлением в виде ручных рычагов. Толкаешь рычаги вперёд-назад – они соединены с колёсами, – и тележка едет. И даже скорость можно развивать приличную: мальчишки видели на рынке, как два-три пьяных инвалида на спор устраивали гонки.

Подвезли коляску, мощными ручищами инвалид облокотился на их плечи, выждал секунд пять и сильно-пресильно бросил тело вверх. Как смогли, братья помогли ему. Но главное, что им удалось, – они удержали его в равновесии. Он сумел-таки попасть на дерматиновое вытертое сиденье коляски. Тут же перехватил культы ног широким солдатским ремнём, перевязал их туго-натуго, распластался по сиденью широкой спиной и задышал медленно и глубоко.

– Ну что, соколики, спасибо... Как звать-то?

Ребята назвались по именам, молчали, готовые в любую минуту улизнуть.

– Зовут меня дядя Петя, работаю сторожем на свалке... Вчера немного перебрали, не обращайте внимания. А вы куда намылились, за костями небось? Берите с краю, мелкие, если кто наедет, скажите, мол, от дяди Петра идёте. Ну, бывайте, поеду пожру, да помыться малость надо. – Он выехал на дорогу и энергично заработал рычагами: коляска зажужжала плохо смазанными подшипниками.

Мальчишки боялись барачных пацанов пуще милиции и сторожа, присматривающего за свалкой. Те здесь – короли, это их территория. Они монополизировали сектора крупных и мелких костей животных, которые ежедневно подбрасывали в вагонетках по узкоколейке рабочие мясокомбината. Кости сдавали в утильсырьё машинами, по несколько штук в день. Хвостами и костями грудной клетки животных занимались взрослые мужики: спившиеся рабочие комбината, опустившиеся на дно жители большого посёлка. Сначала они приходили утром на свалку, получали наряд на работы, разводили костры, коптили скелеты свиней и коров, счищали нагар на обрезках мяса и сдавали «копчёные деликатесы» приёмщику из барачной мафии. Тут же получали деньги или водку, напивались, засыпали, день путали с ночью, костры чадили и коптили, палёная водка и самогон лились рекой.

Потом вовсе перестали уходить со свалки, превратились в рабов барачных баронов. Жили в землянках, купались, изредка мылись-стирались в рядом протекающем ручье, пили эту воду, мастерили собственные самогонные аппараты, гнали сивуху, снова пили, пели, дрались, убивали друг друга... И всё делалось тихо-мирно, без вмешательства милиции. Женщины из барачных продавали на колхозном рынке большого посёлка копчёные кости, за копейки можно было полакомиться непревзойдёнными по вкусу мясными обрезками. А студень из лодыжек, хвостов и хрящей животных превосходил по вкусу ресторанный стряпню. За про-

тивнями с холодом выстраивались очереди ещё до приезда на лошадях жильниц барачников. Чистые белые фартуки, нарукавники, алюминиевые широкие ножи для резки студня, весы с корытцами из выкрашенного магния, улыбки и прибаутки беззубых красавиц – всё это приносило десятки тысяч рублей прибыли. Свалка – большой механизм по зарабатыванию денег, отлаженный, как часы. Он не терпел посторонних рук, глаз, живых свидетелей.

* * *

За забором шла широкая дорога в центр свалки. Серёга с Мишкой, конечно, свернули направо, едва заметной тропинкой покатали к дальним участкам. Там и кость старая, мелкая, вымазанная грязью и торфом: такой приправой, смешанной с ДДТ и ядом для крыс, боролись с полчищами грызунов и других паразитов. И народу здесь практически не бывает. Мальчишки, естественно, не знали, что неделю назад этот участок стали осваивать заново, провели узкоколейку, рабочие повезли на выселки самые крупные кости забитых животных. Когда братья подъехали к большому, но мелкому оврагу, обомлели: по краям узкоколейки грудками лежали жёлто-белые кости тазобедренных суставов, лопаток, огромные, с хрящами лодыжки коров и лошадей. Они слышали, что в Казахстане – дикая засуха и табун из тысячи лошадей привезли на мясокомбинат.

Серёга первым очухался, начал разворачивать тачку, решил, от греха, уйти по краю оврага дальше к лесу и ручью. Мишка вцепился в руку брата, зашептал:

– Мы чуть-чуть, пять-шесть лопаток положим, присыплем травой, сверху мелочи навалим, никто и не заметит...

– Прибьют! Отцепись, дурачок, не понимаешь, что ли, чем это для нас может кончиться?! Нас землёй присыплют.

Мишке трудно понять рассуждения брата, но тот в шестом классе учится, авторитет для второклашки. И ещё Мишка очень любит своего старшего брата: тот всегда защищает его от наглых и сильных пацанов из других классов. И всё-таки не удержался Сергей, поднял пяток самых крупных костей, бросил на дно тачки, нарвал пахучей лебеды и закрыл ею груз. Они развернулись и не спеша стали выбираться по пологому спуску. Опоздали выйти на дорогу: на кромке оврага стояли шесть пацанов от десяти до пятнадцати лет, курили, делали вид, что не замечают братьев.

– Ой, хтой-то к нам в гости пожаловал? – начал дурачиться старший, единственный из всех, на котором обуты белые тапочки. – А вы думали, нас и нету? А мы – вот они, тутотки... Чо в тачке-то схоронили?

Серёга молчал, понимал: будет показательная порка, поэтому, что бы он ни говорил, ни веры, ни пощады не жди. Пошёл ва-банк:

– Нам дядя Петя разрешил пару костей взять... Мы ему помогаем сторожить.

– Ха-ха-ха, – заржала дружно компания, – им дядя Петя култями из кювета помахал. Идите, мол, забирайте самые здоровенные кости, сдавайте, получайте денежки и будьте миллионщиками. Видели его в кювете лежащим? Мы видели. Он ещё три-четыре часа проспел... После вчерашнего бухала.

– Неправда, – не унимался Сергей, – мы помогли ему в коляску залезть, он поехал поесть и снова вернётся сюда. А нам приказал взять немного костей и дожидаться его. Они кореша с нашим отцом, вместе воевали в танковых войсках.

– Ты за кого нас держишь, салажонок?! – начал накручивать группу старший. – Мы из барачников, это наша свалка, наши запасы... Кто на нас мазу тянет, тот ффраер! Мы его будем больно бить, резать и жечь. Гроши есть? Можете откупиться, только сразу, не в долг. Тачку нам оставите, куртяжки сымайте, сапоги резиновые... Нам всё сгодится здесь.

Серёга взял брата за руку, успел посмотреть в глаза, успокоил, второй рукой стал снимать с него душегрейку. Тихо говорил:

– Сапоги сам снимай, но потяни до выхода из оврага... Будем драпать. Если что, беги до наших, скажи пацанам. Может, дядю Петю увидишь, пожалуйся ему.

Серёга отпустил руку брата, подошёл к старшему по возрасту пацану и, передав две куртки, начал снимать старые обрезанные отцовские сапоги. Мишка первым снял резиновую обувь, бочком-бочком почти обошёл компанию. А те смотрели на униженного Серёгу, ржали. Один худющий и подкашливающий без конца пацан содрал с рукояток на тачке ремень, предложил связать руки Сергею. И уже вплотную подошёл к мальчишке, как получил сильнейший удар в печень, скрючился от боли, упал на землю и кричал, не мог выговорить ни слова. Мишка видел, как ударом в челюсть брат свалил старшего пацана с ног. На него набросились остальные, повалили на землю, двое вязали ремнём ноги. Серёга отбивался, но силы покидали его. Он поднял голову, нашёл глазами брата, закричал:

– Беги! Сильно беги! Найди наших...

Мишка ещё несколько секунд стоял в нерешительности: он не мог бросить брата. Но понял: сейчас и его скрутят, тогда точно никто не узнает, что убили их на свалке. Он рванул так, что засверкали голые пятки. Не прошло и минуты, как его фигурка скрылась за поворотом высоченного забора. Один из барачных бросился за мальчишкой, но где ему угнаться за вихрем в поле.

* * *

Мишка, не чувствуя усталости, добежал до первого барака, остановился, стал искать инвалидную коляску. Рядом – вход во второй барак, коляски опять не видно. Подошёл к стенке кирпичного туалета, облокотился руками на шершавую штукатурку: его вырвало, наверное, от пережитого страха и такого быстрого бега. Поискал глазами колонку с водой, не нашёл, вытер ладонями рот и побрёл к другим баракам. Возле четвёртого жилища увидел у широких ступенек, ведущих на веранду, коляску. Видимо, с них дяде Пете легче взбираться на сиденье.

Мальчишка открыл дверь, в серой темноте разглядел несколько керогазов, святающихся ярким голубым пламенем: жители грели воду, готовили завтраки. Запахов не чувствовалось, где-то в глубине коридора светился дверной проём: на лето жители открывали и вторую, запасную дверь. Мальчик прошёл больше половины коридора, встал, не зная, что ему делать, куда идти. И вдруг заревел, сначала тихо, поскуливая, потом всё громче и громче. Через пару минут он ревел в голос, всхлипывая и размазывая слёзы и сопли по щекам.

Открылась ближняя дверь, вышла женщина, ещё не старая, в одной ночной рубашке, посмотрела на Мишку, сказала:

– Ты чей? Чо орёшь с утра пораньше?

– Брата убивают... На свалке... Мишка я, а он – Серёга. Дядя Петя нужен, инвалид.

– Вон чо творится-то... Тебе в первую дверь, у входа. Там Петька-то живёт.

Когда Миша подбежал к выходу, открылась дверь из комнаты слева, в проёме, держась за ручку, сидел-стоял дядя Петя. И с места в карьер:

– Пришучили вас, а я говорил: скажите, мол, от меня.

– Не слушали... Смеялись-обзывались. – Мишка перестал реветь, но не мог успокоиться, всхлипывал и фальцетил на гласных. – Убить обещали... Серёгу.

– Ну, не бойся... Успокойся. Не за пару же костей. Ведь это тоже пацаны, так, навалиют, чтоб не блукали по чужим территориям.

– Там драка на кулаках, у старшего кровянка пошла.

– Ну что же вы как зверята, а? Меры не знаете. – Дядя Петя в брюках с подрубленными штанинами и майке навывпуск пополз к выходу. – Ну, давай, помогай: дверь открой, поддержи, щас я выберусь, спустись к коляске, держи её крепко.

Он с разгона на двух верхних ступеньках заскочил в коляску, оттолкнулся от перил и выехал на дорожку, не останавливаясь, заорал:

– Прыгай ко мне, вместо ног есть место...

Мишка изловчился, удачно заскочил в коляску, прижался к обрубкам ног хозяина. Почувствовал сильный запах пота, иногда, когда дядя Петя наклонял голову, несло перебродившей брагой. Но стало весело: сильные руки работали непрерывно, рычаги набирали скорость, коляска подъезжала к повороту забора. Мальчик забыл про брата, дядя Петя так походил на отца, которого Мишка почти не помнил. В картинках памяти остались аптекарская палка, нешагающая нога, большая сильная рука отца, согнутая в локте, на которой мальчик висел по несколько минут. А тому хоть бы что, даже не уставал.

* * *

Дядя Петя буквально врезался в пацанов. Они не ожидали такого поворота событий, бросились врассыпную, уходили низом оврага, даже не останавливались, отбежав на безопасное расстояние. Инвалид орал во всю мощь лёгких:

– Ну, Сювель! Ну, сучий сын, погоди! Я тя предупреждал. Шкуру спущу и скипидаром намажу, гадёныш!

– А ты догони, культия хренова... – запыхавшись, огрызался старший группы по кличке Сювель. Он остановился, упёр руки в бока, пытался удержать возле себя дружков. Где там! Они, видимо, так боялись инвалида, что перебежали дно оврага и, не останавливаясь, начали подниматься на противоположную сторону. – Я точно ты урою, чёртов инвалид. Не посмотрю, что ты в танке горел... Уснёшь пьяным – башку отрежу.

Увидев, что его некому слушать, Сювель тоже побрёл к противоположной стороне оврага. Мишка осторожно освобождал связанного брата, разбрасывал палки и щепки, которые шалашом складывали на теле Серёги пацаны. От него резко пахло мочой. Глаза закрыты, голова откинута назад, мокрые волосы поседели от песка и пыли.

– Как он? – наклонился с коляски дядя Петя. – Живой? Вот мрази, обоссали всего, костёр хотели развести. Вовремя мы подскочили. Как ты зовут-то?

– Мишка...

– Слушай сюда. Никому не говори, даже родителям... Щас мы его выходим, у меня помоешь, поешьте, жинка кулеш сделала да с мясом, по рюмке выпьем. И я вас до насыпи провожу. На-ка нож, обрежь всё... Вся майка и голова в моче. Вот козлы, вот собаки дикие! Ты не бойся, я с ними разберусь. У половины отцы есть, всех выдерут, как коз! А остальных поодиночке буду вылавливать и наказывать, наказывать... Пороть буду сам!

Серёга быстро оклемался, помог дяде Пете привязать тачку к рессоре коляски, ребята наносили полный кузов широких жёлто-белых костей, закрыли драгоценный груз лебедой, а сверху сложили сапоги и мамины душегрейки. У Серёги дёргался подбитый правый глаз да на правой руке распух большой палец: то ли перелом, то ли, скорее, вывих. Мокрую майку он выбросил, Мишка рубашкой вытер голову брата, заодно, выдернул из кожи пару приличных заноз: следы щепок, которыми его обкладывали, готовясь изжарить на костре.

– Били сильно? – спросил инвалид.

– Я отбивался... Еле скрутили. Потом начали пинать, но босиком не больно получалось. Обидно: зачем ссать-то на меня. Во гады! Ну а потом решили поджарить, по голове поленом ударили... Хорошо, что вы подросли.

– Да, хорошо, что хорошо кончается. В путь, толкайте, помогите маненько мне.

Ребята впряглись в тяжёлую тачку.

* * *

Жена инвалида, красивая, высокая женщина по имени Вера, совсем ещё молодая и улыбающаяся, отмыла ребят, выпросила всё из их небогатой биографии, накормила, вместе с мужем выпила рюмочку первача. Сказала:

– Значит, утильщик обещал принять у первых... А сколько щас кости-то стоят?

– Пятьдесят копеек кило, – выпалил Мишка, – хорошая цена, пирожок с мясом стоит сорок пять...

– А кролик сколько стоит? – не унималась тетя Вера.

– Три рубля штука, пять – пара. Выгоднее пару взять: самца и самочку, дешевле и семью можно создать.

– Заканчивай, Михаил, – серьёзно, по-взрослому сказал Серёга. – Спасибо, конечно, вам. Особенно вам, дядя Петя... Прибили бы меня.

– Ну, ладно, ладно, не расстраивайся, – басил инвалид. – Я поквитаюсь... Обещаю. Нет, кланусь!

– Вот чо я придумала, мальчики, – сказала после некоторого молчания тётя Вера. – Вот вам пять рублей, сразу можете по кроликам план выполнить... А кости сложите возле уборной, у стенки, Пётр с ними разберётся. И вам полегче домой идти, и к утильщику не надо ходить. Да вы и так опоздали к нему.

– Ну, не знаю, не знаю... – начал Серёга.

– А я знаю! – как отрезала жена инвалида. – Вам жизнь упростила, а вы кочевряжитесь.

– Спасибо, спасибо, – затараторил Мишка, – как домой-то хочется, сразу и помчимся, Серёга!

* * *

Они легко толкали пустую тачку, громко что-то обсуждая. Две зелёные душегрейки заметно выделялись на белых худых тельцах. Инвалид дядя Петя в коляске и его жена тётя Вера стояли на повороте дороги перед железнодорожным туннелем, махали мальчишкам вслед.

– А зачем нам кости-то? – спросил Пётр жену.

– Не знаю... У тебя хотела спросить, – смеялась одними глазами красивая тётя Вера.

Перчатки

В семье не носили перчаток. Их заменяли варежки, связанные мамой. Вечерами, после работы, она расстилала на полу большой комнаты в двухэтажном шлакозасыпном доме овечью и козью шерсть, раздирала свалявшиеся комки. И рассказывала, как в деревне подростками они сушили на лужайках шерсть, хлестали её прутьями, оберегали от вездесущих птиц, таскавших ворсинки для утепления гнёзд.

В квартире стоял крепкий запах скотного двора, но к нему быстро привыкали. Да и в поселковой школе никого не удивишь таким запахом: многие, жившие в частных домах, держали и коз, и овец и даже коров. На время семья превращалась в артель: младшие дети чистили и теребили шерсть, старшие – пытались крутить веретеном нить. Получалось плохо, но мама не ругала, показывала, как лучше зажимать и вращать веретено, как из привязанного к доске воздушного пучка шерсти вытягивать тонкую пряжу. Её стирали в слабых растворах хлорки или разведённого медного купороса, добавляли самую малость, чтобы оттенить природный цвет овечки или козы. На специальных деревянных каркасах сушили, потом перехватывали на ладони и тогда уже, вдвоём, накручивали небольшие мотки, чтобы не пережечь пряжу. В общем, целая наука...

Зато зимой семья носила тёплые варежки и носки, а старшая сестра умудрялась до снежной белизны доводить козью шерсть, щеголяя в варежках и такой же белой длинноухой вязаной шапочке. В удачный год мать продавала по знакомым, без рынка, до ста пар варежек, носков и цветных шарфиков, но это делалось уже спецзаказом – и по цвету, и по размерам. Что ни говори, реальные деньги в семье...

А их катастрофически не хватало даже на школьную форму для четырёх учеников, оставшихся без отца. Он вернулся с войны после тяжёлого ранения и, отметив лишь пятую годовщину победы, ушёл незаметно, как и жил, никого не обременяя, покуривая самокрутки из отрывного настенного календаря и читая толстенную библию на старославянском языке. Но его помнили в посёлке: почти два десятка кровельщиков сделал мастерами.

Пенсия за отца – мизерная, зарплаты мамы даже на двух работах уборщицей хватало только на муку, сахар, соль и подсолнечное масло. В день получки двое младших пацанов грузили десятилитровую бутылку на санки или тележку, шли на рынок и, выстояв большую очередь, покупали подсолнечное масло, которое качали мехрычагом из ржавых бочек. Вечером мама устраивала праздник: пекла пироги с картошкой и много-много воздушных поджаристых пышек. Выпечки хватало на три-четыре дня, только утром не ленись погреть её на сковородке, плотно закрытой глиняным блюдом. Учились дети посменно: мальчишки – в первую смену, старшие – девочки – во вторую. Но они всегда выпроваживали младших в школу накормленными, с собранными портфелями. Мама уходила на работу к шести утра.

Разница в четыре года – пропасть в школьной иерархии, небо и земля – третий и седьмой классы. Старший брат не опекал младшего, не собирал ему портфель, не вытирал нос. Но все знали: если кто-то обидит Вовку Леонова, будет иметь дело с его братом – Генкой, хорошим учеником, но уличным сорвиголовой. Семиклассник – классный футболист, а Вовка всё больше книжки читает, рисует, камушки да ракушки собирает в «секрет». В ямку под стекло, специально выточенное на крепёжной проволоке телеграфного столба, укладывались предметы мальчишеской гордости, особенно ценились значки и монетки. «Секрет» засыпали землёй, развивая топографическую память, категорически запрещалось ставить метки. Счастье, когда «секрет» находился сразу, с первого прикосновения пальцев к сухой и колючей почве. Вовка почти никогда не ошибался да заодно находил по несколько «секретов» других пацанов из класса. С собой не уносил, понимая – так поступать нельзя, насмотревшись на

содержимое под стеклом, снова закапывал ямку и втыкал в землю палку, давая понять: «секрета» больше нет.

... В воскресенье, с утра, Володя пошёл гулять на остановку трамвая, где сосредоточились и магазин, и стихийная барахолка, и ларьки по ремонту домашнего скарба. Отдельно, на повороте в овраг, где брали чистый песок для стройки и где прошлым летом завалило насмерть двоих пацанов-близняшек, раскорячилась приземистая пивнушка. День только начинается, а желающих принять горячительного хоть отбавляй. «Хорошо мне, – думает Вовка, – у нас, в семье без отца, вообще не пьют вино, пьяным по посёлку никто не бегает, как другие отцы. Но и плохо, конечно, что папки нет и я почти не помню его...» Мальчик чувствует, что, на самом деле, он готов носить на себе любого отца, лишь бы тот был жив... Пусть без ног или рук, но живой.

Солнце припекает, лужа на остановке разрастается сверх мартовских размеров. Пегая лошадь вошла в середину маленького пруда, растопырила ноги и стала тянуться к воде: видимо, издалека привезла воскресный груз, устала, захотела пить. Мужик с бидонами, укрепленными на санях пеньковой верёвкой, начал хлестать конягу, материться, а та – ни в какую. Пришлось колхознику встать кирзовыми сапогами в воду, брать лошадь под уздцы и со словами: «Щас, потерпи чуток, на рынке свежей водички принесу ведро», – тащить её к дороге. Лошадь поняла хозяина, смирилась, понуро поплелась в сторону рынка.

– Здорово, герой с дырой! – К Вовке подошёл довольно взрослый парень по кличке Дрей (от полного имени Андрей), бросивший школу в шестом классе и года три уже болтавшийся без дела. В посёлке все знали, что он приворовывает, чистит карманы у подвыпивших мужиков, на лето уезжает в деревню пасти скот подпаском. Но и там – куча проблем: ни за один сезон он так и не получил денег. То за лень и потерю коров его прогонят пастухи, то за оскорбление местных девушек смертным боем побьют парни. При маленьком росте Дрей страдал комплексом неполноценности, ему постоянно казалось, что над ним подшучивают, издеваются, оскорбляют его... Чтобы казаться мужчиной, выучил блатной жаргон, а матерился так, что посетители пивнушки за искусство «выговориться» покупали ему кружку пива. – Чо делаешь с утра пораньше? Хошь в цирк сходить? Валим вместе, плачу за билеты на детский сеанс, по выходным в двенадцать начинается. Тебе во сколько домой-то надо придти? К обеду? Успеем вернуться... Посмотришь клоунов, зверей, фокусников. А брательник твой у школы играет в футбол на снегу, четыре команды, домой придёт к вечеру...

Вовка растерялся, не знал, что и ответить. Честно говоря, ему очень хотелось вживую посмотреть цирк: он только в киножурнале перед фильмом видел про открытие циркового сезона... Так сказал мужской голос в динамике. И всё-таки мальчишка отрезал:

– Не, мне надо предупредить сестёр... Или Генку.

– Щас, организуем. – Дрей подошёл к какому-то парню, поговорил с ним, вернулся, заявил:

– Всё в порядке. Этот кореш щас пойдёт возле школы, всё скажет твоему Генке... Понял, да? Айда, трамвай подкатил, садимся, а то не успеем!

Вовка зачем-то снял варежки, мягкие, тёмно-коричневого цвета, засунул их в карманы пальто: ему всегда казалось, что только маменькины сынки носят такие девчоночьи варежки. В ту же секунду Дрей схватил его в охапку и буквально запихнул в трамвай. Уселись на деревянные сиденья, Вовка впереди, его новый друг – сзади.

– Дай-ка твои варежки... Потом верну. В цирке твои карманы должны быть пустыми. Мамка вязала, не колются, мягонькие. А у меня перчаточки, кожаные, великоваты чуток. Один ффраер подарил... Ха-ха-хи-и, – тоненько засмеялся Дрей.

Вовка отдал варежки, повернулся к окну, стал смотреть на улицу. Сновали люди, ехали машины, едва тащили сани по булыжной мостовой несколько лошадей. Настроение у мальчика поднималось, было радостно от того, что скоро-скоро он увидит живых циркачей.

Остановка трамвая, просторный сквер со спуском к речке: здесь студенты любят заниматься спортом. Рядом с цирком, на горюшке, располагается главный корпус мединститута. Вовка часто приходит сюда с пацанами, наблюдает за парнями и девушками в белых халатах и шапочках... Ему очень хотелось учиться на доктора, но и от работы на фабрике он бы не отказался, чтобы заработать много денег, отдать их маме... Его мысли прервал спутник, двигавшийся как-то боком, чтобы лучше видеть мальчишку:

– Мы знаешь чо делаем? Толкаемся в очереди. По воскресеньям в кассе полно народу. Малышня стоит по стенке, ждёт родителей с билетами. Я бултыхаюсь в очереди... Ты, главное, будь рядом со мной! И руки не держи в карманах, понял? Вдруг какой-то кипишь, ты сразу уходишь к стенке, встаёшь рядом с малышнёй. Всё! И ни звука! Что бы со мной ни случилось... Хоть пинать меня будут, ты ни при чём, понял, короед, да?

Вовка ничего не понял, но промолчал. У него ещё не исчезло приподнятое настроение от скорого свидания с цирком. Подошли к огромному, красного кирпича зданию с оштукатуренными и выкрашенными под слоновую кость колоннами, пять дверей, на вход открыта одна. Зашли, горят лампочки в просторном вестибюле, из четырёх окошек работает одно, к нему выстроилась длинная-предлинная очередь. В основном взрослые тёти и дяди. Дети, как и говорил Дрей, стоят у противоположной стены, много скопилось их, десятка три-четыре, не меньше. Кто молчит, подпирая стенку, кто-то пришёл с компанией, разговаривают, девчонки играют в «ладошки». В воздухе слышится гул разбуженного улья. Жарко, многие ребята поснимали шапки, расстегнули пальто.

Дрей прошёлся вдоль очереди, будто ища того, за кем занимал очередь. Вовка тащится за ним. Тот развернулся, двинулся назад, в самом конце живого хвоста прошипел:

– Не спи, пацан, будь рядом со мной, в шаге... Я тебя оттолкну, сразу вали к стенке или на выход, к двери. Идём, встряхнись.

Ничего не соображая, мальчишка почти вплотную подошёл к напарнику, не видел, что тот делает, прижавшись к высокому толстяку. И вдруг почувствовал, как в карман пальто что-то упало. Тычок кулаком пришёлся под правую лопатку, Вовка удержался на ногах, тут же направился к стенке. Постоял, не поворачиваясь к людям, холодный пот побежал по затылку, прямо в желобок на спине. Мальчик понял: Дрей вычистил карманы у мужчины и что-то тяжёлое перебросил ему. Наконец повернул сначала голову, потом всё туловище, прислонился к стенке, сил больше не осталось, на ватных ногах он, наверное, не сделал бы и шага. А в очереди всё по-прежнему: стоят люди, кто-то переговаривается, кто-то готовит деньги к оплате билетов, красиво одетая женщина с чернобуркой вместо воротника на пальто читает толстый журнал. Дрей подошёл к окошку, остановился у объявления на белом листе бумаги, снова двинулся к концу очереди.

У женщины с лисой на плечах он задержался на полминуты, будто увидел интересную картинку, поднял лицо, улыбнулся хозяйке журнала и пошёл к двери на выход. Вовка стоял, ждал, когда толстый мужчина подойдёт и вывернет наизнанку карманы его пальто. Время бежало, голова гудела и раскалывалась, наконец он сообразил, что надо идти за Дреем. Поплёлся к двери, чувствуя при каждом шаге, как вещь в кармане бьёт по ноге.

– Ты чо, козёл, тупой?! Чо ты умер со страху? Валить надо, до сеанса успеть, пока... – Он буквально потащил Вовку за руку. – Пошли-пошли, на скамейку. Так, доставай, что в карман упало.

Вовка засунул руку в карман, нащупал тяжёлую вещь, вынул мужской портсигар, отличающийся холодным металлом.

– Стоящая вещичка! – зашептал Дрей. – Точно серебро... Давно мне так не везло. За косарь портсигарчик толкну. Видать, трофейный, с войны привезли. Так, ложу его в потайной карман, дома сигаретами побалуемся. В цирк в следующее воскресенье сходим, билеты куплю

заранее. Тогда уж точно пойдём, только маненько поработаем опять в очереди, а, напарник? Вот так становятся настоящими пацанами.

– Не буду больше воровать с тобой, Дрей, – еле слышно сказал Вовка. – Мне Генка запретил брать чужое... Он и меня, и тебя приберёт. Он такой, пощады не жди.

– Ты чо, фукес? Или дурак? Сначала шмонаешь со мной карманы, а потом меня же и сдаёшь? Да плевать я на твоего брата, семиклашку, хотел! И на него урки найдутся! А ты помалкивай лучше, а то тебя будут бить каждый день твои же пацаны из класса. Я это умею делать... А штоб ты понял, что я не фраер, вот тебе перчаточки от тёти с чернобуркой. Кожа, настоящая, синяя, подаришь матери или сеструхе.

И, не медля ни секунды, Дрей засунул в карманы Вовкиного пальто коричневые варежки, которые связала мама, сверху положил по перчатке. До остановки трамвая шли молча. «Вот тебе и цирк, – думал Володя, – обманул, гад, воровать заставил. Всё Генке расскажу... Он поможет. Как плохо всё получилось.

Но я же не знал, что так воруют из чужих карманов. Перчатки синие... Перчаточки! На фига мне они! Чужие, ворованные... У дома выброшу, а если Дрей увидит, изобьёт. Я сбегу от него на нашей остановке».

– Ты вали прямо домой, – сказал Дрей, наклонившись к Вовкиному уху. В трамвае – полно народу, люди стоят в проходе, держась за ручки на сиденьях и за петли у потолка. – И рот держи на замке, понял?! Я тебя предупредил... По воскресенью скажу позже.

Мальчик, не взглянув на напарника, стал пробираться к выходу. Двое парней висели на подножке трамвая, собираясь прыгать на ходу, не доезжая до остановки. Удачно приземлившись на плотный снег, они пробежали несколько метров. Трамвай тормозил, вот-вот должен остановиться. Вовка оттолкнулся от вертикальной ручки, полетел на очищенную от снега площадку. Скользко, ноги не удержали его, грудью и животом въехал в подтаявшую чёрную жижу. «Во позор-то, – думает он, стараясь как можно быстрее подняться на ноги. – Домой... домой... мама».

Он бежит по знакомой дороге, утрамбованной тысячами ног. Слёзы обиды и горечи душат его. Начинает причитать:

– Ма-мочка, прости... Я больше не буду. Никогда, ма-ма. – На грязное пальто каплют слёзы, стекают вместе с жижей в мартовский тёплый снег. Во дворе дома Володька подбегает к выкрашенному белой извёсткой мусорному ящику, пытается рукой открыть крышку, не получается. Тогда он достаёт из карманов синие перчатки, зажимает их зубами, собрав все силы, обеими руками приоткрывает тяжёлую крышку и буквально выплёвывает перчатки изо рта в ящик. Крышка ухает по дереву, плотно закрывает содержимое помойки от посторонних глаз.

Вовка мчится к подъезду дома: к маме и сёстрам, к брату.

Плакальщица

Она не любила халаты, тем более длинные, линиялые, чёрно-серого цвета. Надевала мужские брюки, резиновые сапоги, телогрейку и сверху – белую сатиновую куртку. Каштановые упругие волосы стягивала тёмно-синей косынкой, талию, тонкую, заметную даже под складками ватника, опоясывала солдатским парусиновым ремнём. Матрёна, попросту Мотя, двадцати пяти лет от роду, забойщик скота на мясокомбинате, выше среднего роста, статная, со светло-коричневыми умными глазами на красивом лице, каждый день выходила в загоны, чтобы осмотреть животных. Летом второго года войны на предприятие прибывали бесконечные эшелоны из Средней Азии и Казахстана: овцы, козы, лошади...

Столько измученных, доведённых до крайней степени истощения коней Матрёна ещё не видела в жизни. Она не могла смотреть на слёзы, стоящие в умных, больших и влажных глазах лошадей, которых вели на убой. Они всё понимали о скорой смерти, но не было сил сопротивляться: участи они ждали несколько дней во дворе, где от голода буквально выгрызали деревянные доски и балки, разделяющие загоны друг от друга. «Милые, вы так нужны солдатам... Помрут с голоду-то, кто защитит нас?» – уговаривала, скорее, себя женщина, глядя тощие, изъеденные мухами и оводами шеи лошадей.

Мужиков с мясокомбината брали и брали на войну, женщины из подсобниц, мойщиц, подавальщиц становились загонщицами, разделочницами и, наконец, забойщиками скота. Муж Моти уже с год не давал о себе знать: ушёл на войну в конце июня, оставил на молодую жену малолетнего сына – Генку. Ни других детей, ни памяти о пылкой и страстной любви ей за пять лет совместной жизни не досталось. Квёлый оказался мужик, хотя и умный, техникум закончил, финансы знал, в стройуправлении считался хорошим бухгалтером-кассиром.

И Мотя прилежно закончила семилетку, ремесленное училище, стала отделочником широкого профиля. Всё могла делать сама: штукатурить, менять обои, подбирать нужный колер... А с мужем познакомились на ремонте техникума: Василий – студент-дипломник – каждый день приходил в актовЫй зал, где она работала, подолгу простаивал у дверей, не скрываясь, «пялился» на девушку. Свадьба, по настоянию родителей жениха, прошла шумно: отец работал в потребкооперации, техникум, откуда пришли основные гости-студенты, тоже имел отношение к торговле, да и остальные присутствующие – сплошь торгаши. От Моти были старший брат Николай, инвалид ещё с гражданской войны, с супругой и двумя взрослыми детьми, и Валентин, младший в их семье, худущий, явно слабый лёгкими, вечно подкашливающий и без конца курящий папиросы «Север». Работал он кровельщиком, постоянно в разъездах: без дома, без семьи, без еды и уюта. Уже и в армии отслужил, и деньги хорошие заколачивал, а семьёй так и не обзавёлся.

– Мы, Чагины, все несчастливые, – нередко говаривал Валентин, имея в виду раннюю смерть отца, гипертонию у матушки, тяжёлое ранение старшего брата, оставившего полступни на южном фронте, освобождая Крым от белогвардейцев. – Только Мотька у нас хоть куда, как огурец, крепкая да ядрёная!

– Поплюй, леший, сглазишь девку, – не унималась мама, хотя слышала жалобы на судьбу от младшего сына не первый раз. – Курить бросай, ешь нормально в семье, пей меньше, хоть и в праздники... А для этого – девку найди, женись, внуков мне нарожайте. Сколь можно после армии болтаться, словно дерьмо в бочке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.